ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 5 марта 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 12 (648)

Необходимые выводы

Работа прошедшего 4-го пушкинского пленума правления союза советских писателей, и, в частности, обсуждение доклада о подготовке к двадцатилетию Великой Пролетарской революции примечательны во многих отношениях.

Всенародные пушкинские торжества и плодотворная работа советской критики и литературоведения, проделанная в связи с ними, по-новому поставили, выяснили и уточнили многие актуальные вопросы современного литературного движения, в особенности вопросы борьбы за народность литературы, за политически активную и целеустремленную поэзию, за простоту и ясность поэтической речи. Пленум подытожил это новое, и в ряде выступлений были четко сформулированы творческие задачи литераторов.

В докладе о подготовке к великой годовщине, давшем общий очерк состояния литературного фронта, была подчеркнута задача борьбы со всякими чуждыми, враждебными влияниями в среде советских писателей, задача повышения бдительности и жестокого отпора врагам народа, пролезающим в писательские организации.

Наряду с обзором наших несомненных успехов в литературе и драматургии, докладчик правильно подчеркнул необходимость диференцированного подхода к вопросу об отставании художественной литературы: надо конкретно разобраться — кто именно и почему отстает. Пленум проделал здесь серьезную работу, вскрыв на примерах деятельности поэтов Пастернака и Сельвинского большое количество различных причин, препятствующих общественно-политическому и творческому росту некоторых литераторов.

С большой силой прозвучали на пленуме речи, разоблачающие вреднейшие «установки» Бухарина и Радека на первом с'езде писателей, в частности «установки», пренебрежительно третирующие советскую политическую поэзию, превозносящие поэтов, чуждых советской действительности, проповедующие двурушничество в поэзии. Пленум разоблачил и тех критиков, которые — одни по вражде, другие по недостатку бдительности и младенческому недомыслию — стремились, как это совершенно правильно указала «Правда», «свернуть нашу поэзию с правильного пути. Они говорили поэтам: подальше от повседневной жизни, а особенно подальше от газет. Это было направлено к тому, чтобы лишить партию такого острого оружия, как политическая поэзия». («О политической поэзии» — «Правда», № 58).

Борьба с враждебными вылазками в поэтической критике должна быть всемерно усилена, — здесь очень часто проходили безнаказанными откровенно реакционные упражнения «критиков» вроде ныне разоблаченной Мустанговой, проповедывавшей реставрацию буржуазного декаданса в поэзии и «соблазнившей» своими гнилыми и враждебными писаниями немалое количество ротозействующих редакторов и критиков. Пленум правления ССП положил начало этой необходимой работе.

Обсуждение на пленуме значения пушкинской поэзии и горячие споры о задачах современной поэзии всколыхнули поэтическую общественность. Это очень важно, особенно потому, что в поэтической секции в Москве, так же как и в поэтических секциях на местах, уже долгое время царила довольно засушливая атмосфера. После прошлогоднего минского пленума ССП, на котором поэты занимались главным образом взаимным расшаркиванием и комплиментами, ничто не смущало покоя руководителей секции, и настроения благодушия и самотека были весьма распространены.

В прениях на пленуме большинство выступавших снова и снова возвращалось к вопросу о творческой среде, о работе писательской организации. Сейчас, в эпоху великой сталинской Конституции, передовые писатели особенно остро ощущают необходимость в коренной перестройке литературных организаций, в первую очередь в целях создания внутри ССП настоящей творческой среды. Широкое демократическое обсуждение важнейших политических и творческих вопросов, правильная организация обмена опытом крупнейших мастеров всех литератур СССР, правильные отношения между писателями и критиками, творческая взаимопомощь, деловая, а не декларативная, помощь литорганизаций писательской молодежи — вот чего решительно требуют литераторы от своей организации.

Но работа руководящих литорганизаций по созданию настоящей творческой среды в союзе писателей есть, прежде всего, работа по большевистскому воспитанию членов союза. Политическое воспитание членов союза, воспитание в них социалистического отношения к труду и обязательствам перед советской родиной, высокопринципиального и честного отношения друг к другу и к литературному делу, борьба с пережитками прошлого в сознании литераторов — с элементами буржуазной конкуренции во взаимоотношениях, с беспринципной групповщиной, с чванством, зазнайством, «ячеством», с подхалимством и пиэтетом перед «именами» — в этом основа деятельности литературных организаций. Все разговоры о творческой среде останутся беспредметной болтовней, если не будет налажена широкая, многообразная, учитывающая своеобразие литературного труда, работа по большевистскому воспитанию писательских кадров. Руководящие органы союза писателей совместно с издательствами и редакциями журналов обязаны повседневно работать над повышением идейно-политического уровня членов союза, над воспитанием в них мыслей и чувств социалистического человека, беспредельно преданного своей родине, ненавидящего ее врагов, бдительного ко всяким чуждым и враждебным влияниям. В этом же направлении должна итти и конкретная творческая помощь писателю в работе над произведением — организация консультаций, поездок, исторических и иных материалов, библиотек и т. п.

Между тем, как раз в области воспитательной работы с писателями — наибольшее количество недостатков, прорех и прямых прорывов в писательских организациях сверху донизу. Печальная история «захирения» ленинградского отделения ССП изобилует множеством примеров пренебрежения к этой важнейшей задаче союза, особо подчеркнутой в его уставе и неустанно выдвигавшейся А. М. Горьким в его выступлениях. Подмена воспитательной работы голым администрированием, организационная суета и шумиха вместо политической работы в секциях, оторванность руководящих органов литорганизации от писательских кругов, семейственность и отсутствие самокритики в организации и в печатном органе ее, обволакивание отдельных руководителей подхалимствующими врагами, притупление большевистской бдительности — вот что создало в ленинградской организации ССП, об'единяющей немало крупнейших художников слова, такое положение, которое потребовало смены руководства и ряда оздоровительных мероприятий. Выводы из этой истории должны извлечь все организации ССП.

Перестройка работы ССП на базе большевистского воспитания писателей немыслима без широчайшего развертывания самокритики. Между тем в союзе есть еще множество товарищей, в том числе и немало руководителей, которые более склонны к пышным ламентациям о сплошных успехах организации, нежели к прямому и резкому раскрытию серьезных недостатков работы союза, непосредственно влияющих на все литературное дело, задерживающих его развитие. Писатели еще не научились прямо и резко говорить о плохой работе, плохих книгах товарищей по союзу и еще менее — о недостатках или плохой работе руководителей организаций. Ничем иным нельзя об'яснить, например, продолжительную безнаказанную «деятельность» бездарного троцкистского ублюдка Майзеля, настойчиво пролезавшего в руководящие органы ленинградского отделения ССП и не получавшего отпора своим наглым притязаниям со стороны руководителей правления; о том, что Майзель — бездарное ничтожество, знали все, но никто не указал полным голосом на преступный либерализм А. Горелова, покровительствовавшего наглому врагу. Такие примеры можно умножить, — показательна в этом смысле поддержка бывшим секретарем московского парткома писателей, ныне исключенным из партии Марченко троцкистки Серебряковой, шумно рекламировавшей свои вредные и пошлые «произведения»; аналогичные факты имели место и в украинской организации ССП, и в армянской.

Большевистская самокритика невзирая на лица, жестокая борьба с подхалимством и семейственностью — важнейшая предпосылка создания внутри союза такой атмосферы, которая исключала бы самую возможность подобных фактов.

Другой важнейшей предпосылкой оживления всей работы союза писателей является неуклонное соблюдение демократических принципов работы. В той же ленинградской организации ССП правление не считало себя обязанным отчитываться в работе перед членами организации. Работа выборных органов писательской общественности подменялась кабинетными решениями всевозможных «накооптированных» секретариатов и бюро, о которых широкие круги писателей ничего не знали. На этой почве процветала неприкрытая групповщина. Вопиющие нарушения принципа коллективной работы выборных органов союза приводили к отрыву руководителей от массы членов союза, предопределяли такой же «метод работы» секций, руководители которых назначались тем же кабинетным способом.

Нужно ли доказывать, что работа писательской организации только тогда может быть успешна, когда она строится на основе широкого вовлечения в жизнь союза и руководство ею всех литераторов, что метод командования и голого администрирования совершенно недопустим, что всесторонняя подотчетность выборных органов и настоящая советская демократия должны определять весь стиль работы органов союза?

Под знаком этих само собою разумеющихся требований, естественно вытекающих из основ сталинской Конституции, надо перестроить практическую деятельность всех органов союза сверху донизу. Было бы ошибкой полагать, что только в ленинградской или украинской организациях ССП мы сталкиваемся с нарушениями социалистического демократизма, — отдельные элементы таких нарушений бытуют в практике многих организаций.

Доклад на пленуме о подготовке к великой годовщине Октября и прения по нему обнаружили единую волю руководства Союза и широких писательских кругов к перестройке работы по-новому.

Четвертый пленум правления ССП показал, что писатели Советской страны, преданные идеям коммунизма, сплоченные вокруг партии Ленина—Сталина, не хотят мириться с серьезными недостатками и прорывами в работе своей писательской организации. Дело руководящих органов союза — эту единодушную волю литераторов к перестройке своей организации на новых началах, к превращению ее в могучий творческий коллектив, воплотить в конкретные политические и организационные мероприятия. За них надо приниматься немедленно.

Испанские писатели Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон в Музее Революции в Москве

Фото В. Бабст.

Мадрид—это фронт

На-днях в Москву приехали наши друзья — известная испанская журналистка Мария Тереса Леон и популярнейший поэт Рафаэль Альберти — бойцы народной армии героической Испании.

В беседе с нашим сотрудником они поделились первыми своими московскими впечатлениями, радостью встречи с Москвой, с людьми Советской страны — второй родины испанских революционеров.

— Еще в 1932 году, — рассказывает Мария Тереса Леон, — в Испании организовалась небольшая группа революционных писателей. В этот союз вошли революционные писатели и художники. Своей работы они не прекращали и в период тяжелых репрессий, когда в Испании одержала временную победу реакция, беспощадно преследовавшая защитников свободы испанского народа.

Никто не дезертировал из революционного союза писателей, — с гордостью добавляет Мария Тереса Леон. — К союзу писателей вначале гражданской войны присоединилась республиканская интеллигенция, ранее не занимавшая определенных политических позиций. Сейчас союз об'единяет не только писателей и художников, — в него вошли представители интеллигенции различных профессий. Союз насчитывает около тысячи членов; в Мадриде — 300 человек, организованы также группы и в Барселоне, Валенсии, Аликанте.

Секции революционного союза ведут работу, согласованную с министерством народного просвещения. Хесус Эрнандес — министр народного просвещения — в одной из своих речей заявил о том, что союз революционной интеллигенции представляет подлинную культуру Испании, что в дни героической борьбы Республики против испанского фашизма и интервентов союз создает культуру, которая растет и будет развиваться в освобожденной Испании.

— В нашем союзе, — продолжает Мария Тереса Леон, — работают секции: литературы, пластических искусств, музыки, театра, кино, экономики, политики и пропаганды. Вся работа союза призвана служить делу революции и защите Испанской республики; руководит союзом товарищ министра народного просвещения Венсеслао Росес.

Важнейшая секция союза — это секция пропаганды. Мария Тереса Леон, ее секретарь, взволнованно рассказывает о той большой работе, которую проводит секция в тылу и на фронтах. Воззвания, листовки, плакаты... Небольшие агитационные группы раз'езжают по деревням и фронту. Они распространяют литературу, распределяют агитационно-пропагандистские материалы, демонстрируют передвижной и кукольный театры.

Секции пропаганды большую помощь оказывают художники — члены союза.

Интернациональная организация писателей подарила агитационной секции агитавтомобиль, который появляется на боевых участках фронта как символ революционной солидарности.

Каждый день в Мадриде от 6 до 7 часов дня проходит радиочас — «Вооруженный Мадрид». В это время весь мир оповещают о том, что в действительности происходит в Испании, опровергая бешеную клевету и ложь фашистских извещений. В этих радиопередачах участвуют Рафаэль Альберти, Артуро Серрано Пляха, Мария Тереса Леон и другие писатели.

Литературная секция союза издает в Мадриде революционную литературу, выпускает фронтовую газету «Синяя блуза». В этой газете есть постоянный отдел, посвященный романсеро — песне, которая создается на фронте под огнем дружинниками и профессионалами-поэтами. Это песни о гражданской войне, боевые и лирические, эпические и насмешливые; это эпопея гражданской войны в Испании. Создание романсеро — крупнейшее явление культурной жизни в стране, об'ятой огнем борьбы.

Рафаэль Альберти рассказывает, что он сам пишет сатирические поэмы и стихи и записывает боевые песни-романсеро: у него уже собран материал для большой книги.

— В Валенсии, — продолжает Рафаэль Альберти, — куда правительство эвакуировало из Мадрида виднейших деятелей науки и искусства, выходит философско-литературный журнал «Современная Испания». В нем сотрудничают революционные писатели старшего поколения и молодежь; среди них — Антонио Мачадо, Прадос, Рафаэль Альберти и др.

— Хорошо работает театральная секция союза, — сообщает Мария Тереса Леон. — Эта секция получила самый большой мадридский театр. Но сейчас Мадрид — это фронт, и все театры в городе закрыты, все же секция успела осуществить постановку трех пьес: «Ключ» Рамона Х. Сендера, «Спасители Испании» Рафаэля Альберти и «На рассвете» Рафаэля Диесте.

В Валенсии и в Барселоне театры работают под руководством Макса Аубе; пьесы идут не только на испанском языке, но и на каталонском и на валенсийском наречиях...

Киносекция выпустила три фильма: «Защита деревни», «Защита Мадрида» и «На фронте». Эти говорящие фильмы показываются на фронтах в Испании; их демонстрируют в Америке.

На эти фильмы сильное влияние оказала прекрасная картина «Мы из Кронштадта».

Рассказ Марии Тересы Леон прерывает телефонный звонок: Мадрид! У телефона Мих. Кольцов...

Взволнованно и радостно говорит с ним Мария Тереса Леон... по-испански. Рафаэль Альберти, улыбаясь, об'ясняет:

— Мих. Кольцов уже научился хорошо говорить по-испански! Это наш любимый верный друг!

Мария Тереса Леон передает Р. Альберти трубку.

Наш сотрудник просит передать отважному журналисту-большевику Мих. Кольцову горячий привет от «Литературной газеты» и сказать, что мы с любовью и волнением читаем каждое его слово, переданное им из Мадрида.

Мих. Кольцов передает ответный привет и просит поблагодарить «Литературную газету» за большое внимание к нему.

После краткого разговора с Мадридом Мария Тереса Леон сказала:

— Мадрид — это фронт!... Наш дом разрушен... Все писатели ходят в военной форме. На фронтах наши друзья писатели: Мих. Кольцов, Людвиг Ренн, Густав Реглер, Канторович, Андре Мальро, сын известного испановеда — англичанин Келли... Пал в бою смертью храбрых Ральф Фокс... Последние двадцать дней перед от'ездом Альберти и я провели на фронте Прадо, в штабе. Шли жестокие бои. В это время был убит Торненто... он встал в окопе, чтобы произнести речь, и в это мгновение пулемет врага сразил его, перерезав надвое. До следующего дня не прекращался бой и нельзя было подобрать тело погибшего героя...

— У нас, испанских писателей, кроме счета, который пред'являет фашизму весь наш народ, есть еще свой особый счет. Мы не забудем убийства Федерико Гарсия Лорки. Замечательный поэт погиб мученической и геройской смертью в плену у фашистов. Мы отомстим...

А. М.

Saludamos con verdadera gratitud a la "Gaceta Literaria" y a todos sus escritores por su labor entusiasta en favor de nuestro país

Rafael Alberti   M. Teresa León

Moscú. marzo. 1937

Мы приветствуем с горячей признательностью «Литературную газету» и всех ее сотрудников за ту работу, которую они с энтузиазмом проводят в защиту нашей страны.

3 марта 1937 г.

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ, МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН.

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Состоявшееся 3 марта открытое собрание партийной организации московских писателей было посвящено вопросам работы советских писателей над исторической тематикой.

Доклад о советском историческом романе сделал т. Фадеев.

— В нашей стране, — говорит докладчик, — истории принадлежит почетное место в ряде других наук.

Партия и правительство уделяют большое внимание исторической науке. В мае 1934 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) вынесли специальное постановление о преподавании истории в средней школе. Позднее были опубликованы замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова о конспектах учебников по новой истории и по истории СССР. Значение этих документов для развития советской исторической науки огромно. Они дают точные и ясные указания, как нужно писать историю, не искажая и не обедняя ее. Они начисто отметают все вредные антиленинские «концепции» и теорийки, в плену которых до самого последнего времени находилась вместе с некоторыми историками часть наших романистов и поэтов.

Тов. Фадеев далее подробно разбирает пьесу Демьяна Бедного «Богатыри» и роман З. Давыдова «Дикий камень».

Положения, высказанные т. Фадеевым, нашли свое дальнейшее развитие и конкретизацию в обстоятельном выступлении Ал. Суркова.

Выступивший затем писатель З. Давыдов сделал неудачную попытку оправдать свой роман. По его мнению, никакой большой ошибки он не допустил, так как в «Диком камне» он показывает не современную фашистскую Польшу, а Польшу XVII столетия, которая стояла на более высоком культурном уровне, чем Россия. Отсюда вывод, правда, точно не сформулированный автором, но неизбежно вытекающий из его слов, — завоевывая Россию, Польша совершала прогрессивное дело.

Отвечая Давыдову, т. Фадеев справедливо указывает, что завоевание цивилизованными нациями менее культурных народов никогда не являлось для последних прогрессивным актом. Об этом свидетельствует вся история человечества. В наши дни это ярко подтверждается хищническим захватом полуфеодальной Абиссинии «цивилизованной» Италией.

Прения по докладу т. Фадеева перенесены на 9 марта.

На IV пленуме правления ССП

Прения по докладу тов. В. Ставского

Не было такого поэта из братских республик, который, выступая на трибуне пушкинского пленума, не подчеркивал бы, что работа над Пушкиным являлась для всех замечательной, в своем роде единственной, школой.

Можно смело утверждать, что учеба у Пушкина продолжалась и на самом пленуме. Жизнь великого поэта, поразительное многообразие его интересов, особенности его труда, напряженного, повседневного труда литератора-профессионала, идейное и художественное содержание его творчества раскрылись с большой полнотой не только в выступлениях докладчиков, но и в творческих отчетах переводчиков, в теоретических обобщениях писателей, участвовавших в прениях, и в совершенно исключительном фильме «Рукописи Пушкина», продемонстрированном на пленуме.

Образ Пушкина дал и дает исчерпывающий ответ на множество волнующих нашу литературную современность вопросов и, в первую очередь, на основной вопрос — **о типе писателя** в нашей стране.

Тов. Ставский в своем докладе и тт. Фадеев, Панч, Корабельников в своих выступлениях призывали именно у Пушкина, как и у его достойного наследника — А. М. Горького учиться пониманию задач, стоящих перед писателем, учиться жить целиком и безоговорочно высшими интересами своей эпохи, учиться благородной скромности, суровой требовательности к себе и отказу от «яческих» наклонностей.

О том, что эти, казалось бы, уже элементарные для советского писателя истины следует еще и еще раз повторять, свидетельствуют выступления на пленуме И. Сельвинского и Б. Пастернака.

Сельвинский недоволен критикой, считает, что его бездоказательно и грубо рутают. Он пришел на пленум для того, чтобы заявить свой протест против бездоказательной критики.

Но путь, избранный Сельвинским, не мог встретить сочувствия со стороны пленума: в речи поэта было гораздо больше от состояния аффекта, чем от понимания причин, заставляющих критику резко говорить о его творчестве. Сельвинский взял неверную ноту, говоря о себе как о некоей «жертве» многолетней «травли» и впадая тут же в противоречие с самим собою, ибо непосредственно после слов о травле он говорит: «Когда меня били за определенные ошибки и предлагали мне выход на большую дорогу, на исторический путь большого революционного творчества, это было очень сильной компенсацией ударов. Поэтому я не чувствовал себя угнетенным».

Значит, вопрос о «многолетней травле» отпадает. Значит, Сельвинский и сам признает правильность тех суровых счетов, которые ему всегда пред'являлись советской критикой и литературной общественностью. Может быть, Сельвинский поймет, что если этот суровый разговор критики с ним продолжается и поныне, то только потому, что счета еще не оплачены?

Правильное определение речи Сельвинского дали тт. А. Фадеев и П. Павленко: они увидели в ней то, что присуще и творчеству Сельвинского и вызывает такую неблагоприятную реакцию у читателя, — избыточный индивидуализм, чрезмерное ячество.

◆

Это обстоятельство роднит Сельвинского с Пастернаком, хотя оба они — совершенно различные индивидуальности, и творчество их развивается различными путями.

Пастернак, как об этом свидетельствовало его выступление на пленуме, все еще не в состоянии найти связи с действительностью, как мог это делать поэт, о котором он говорит с благоговением, — Пушкин; Пастернак все еще живет в строю старых видений и ассоциаций, ставших его интимным внутренним миром, и наивно думает, что от него ждут деклараций о любви к советской родине к социалистическому строительству.

Дело не в общих декларациях! — высказывая эту мысль, В. Киршон выражал отнюдь не только свое личное мнение.

Мы за такую любовь, которая не позволяет стоять в отдалении и созерцать свой собственный пуп, за такую любовь, которая превращает поэта в активного участника нашей жизни и тем самым оплодотворяет его поэзию, сообщая ей ясность мысли, страстность и действенность.

Пастернак же предпочитает оставаться в своем замкнутом, изолированном мирке и расплачивается за это мертворожденными строками непонятных и мало кому нужных стихов.

Яркий контраст с речами Сельвинского и Пастернака представляло собою выступление П. Павленко.

В каждом его слове чувствовалась кровная заинтересованность в успехах **всей** советской литературы, в работе **всех** товарищей по перу и глубокая ненависть к кабинетному творчеству, к «сундукам», в которых некоторые писатели выдерживают свои замыслы, свои планы, боясь постороннего глаза.

На опыте последней своей работы — «На Востоке» — Павленко лично убедился, какую помощь может принести художнику общение с товарищами, вовлечение в работу возможно большего количества людей. И он горячо призывает писателей «раскрыть сундуки», спуститься на землю, быть проще и доверчивее в отношениях со своей средой, почувствовать себя живой, органической частицей всего коллектива. От этого выиграют все и, в первую очередь, сам писатель.

Вопрос о творческой среде поднимался на пленуме неоднократно, — в связи с положением В. Ставского о том, что слишком мало знают писатели друг друга, слишком мало интересуются творчеством друг друга. Большой остротой отличались формулировки Герасимовой по этому вопросу. Она указывала, что борьба за творческую среду должна пониматься только как борьба за об'единение, сближение, сотрудничество **творчески-родственных** элементов.

Именно это явится сильнейшим ударом по беспринципной групповщине, на платформах которой нередко самым подозрительным образом сходятся люди разных творческих направлений в искусстве.

◆

Ответственнейшая работа ложится здесь на редакции наших журналов. Не может быть такого положения, чтобы актив журнала составлялся стихийно. Это приводит лишь к той обезличенности, которая так характерна для многих журналов. К сожалению, мало кто из редакторов, выступавших на пленуме, за исключением Герасимовой (журнал «Смена») и Рейзина (журнал «Знамя»), останавливался на этом вопросе, предпочитая итти, главным образом, по линии информации о принятых или заканчиваемых для них рукописях. Информация эта, конечно, нужна и интересна, но еще важнее, чтобы редакторы попытались сформулировать принципы, которыми они руководствуются при составлении своих портфелей.

Полное недоумение вызвали выступления Ермилова и Гронского. Первый вообще говорил тоном младенца, не чувствующего за собою никаких прегрешений.

В «Красной нови», редактируемой Ермиловым, были пригреты такие гнусные прохвосты, как Мазнин и Тер-Ваганян, была напечатана такая пошлая, клеветническая повесть, как «Искатели славы», такой возмутительный, искажающий русскую историю роман, как «Дикий камень» Давыдова, такая плохая пьеса, как «Глубокая провинция» Светлова.

И обо всем этом Ермилов счел возможным умолчать, пустив в то же время пыль в глаза перечнем будущих «достижений» журнала.

По следам Ермилова пошел и редактор «Нового мира» Гронский. Здесь печатались порнографические и антисоветские упражнения, литературная заваль, просто непроходимая серятина, это — «огонечек», на который слетались контрреволюционные выродки и проходимцы. Редакция не видела врагов революции там, где можно было их заметить невооруженным глазом.

О чем это свидетельствует, как не о полной идейной слепоте, о полной потере политического чутья, о полном отсутствии какой-либо принципиальной линии в практике журнала?

Но Гронский не нашел ничего лучшего и более достойного, как сослаться на то, что врага трудно распознать во-время, ибо он... маскируется. Гронский, видите ли, будет ждать, пока враг снимет маску и предстанет во всей своей откровенной отвратительности, тогда он, пожалуй, начнет догадываться, с кем имеет дело.

◆

К вопросу о творческой среде возвращались в своих выступлениях и тт. Виртанен (Карелия), Деметрадзе (Грузия), Шамиль (Азербайджан), Петро Панч (Украина), Г. Корабельников и др., речи которых были посвящены подготовке к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Особенное внимание уделялось в их речах проблеме борьбы за авторитетную, идейную **критику**.

Одним из многих достоинств пленума явилось то, что на нем уже не звучали набившие оскомину голословные утверждения об отставании критики, не звучали и нотки пренебрежения к ней. Есть недостатки, бывают срывы, нехватает часто теоретической глубины, но налицо уже, несомненно — и на это указывают тт. П. Юдин, М. Розенталь, Ф. Панферов и др. — определенное ядро, правильно ориентирующее литературу на социалистическую народность, умеющее поднимать обсуждение актуальных вопросов на принципиальную высоту.

Эта критика, между прочим, сыграла не последнюю роль в том, что образ Пушкина начинает вырисовываться перед широкими массами во всей своей реальности и величии. Иначе говоря, советская критика нащупала верные пути в борьбе за освоение классического наследства.

Но было бы, конечно, нелепо бить в литавры. Советской критике еще предстоит серьезная борьба за качество. Она еще не мало страдает от такой, например, серьезной болезни, как **литературщина**, являющаяся результатом самоотстранения многих критиков от живой жизни.

Не меньше, чем все художники слова, — напоминает т. Панферов, — должны советские критики слиться с социалистической действительностью, активно строить ее и научиться ею проверять творчество писателей.

Такая критика сумеет безошибочно разглядеть малейшие проявления фальши, приспособленчества, враждебной контрабанды в литературе, сумеет полнее и быстрее разоблачить все вредные эстетические концепции, рассчитанные на затемнение писательского и читательского сознания, и в то же время по-новому стимулировать могучий расцвет всего социалистического искусства.

Под знаком Пушкина начала советская литература текущий год.

Пленум показал воочию, что пушкинские дни — это не календарная случайность, не простая юбилейная дата, а выражение больших процессов, происходящих во всей нашей жизни и, в частности, на фронте культуры.

Тень Пушкина усыновила замечательных строителей этой культуры и благословила их на новые подвиги

А. Б.

Работа по-новому

Из доклада тов. В. Ставского

Давая в начале доклада развернутую характеристику политической обстановки в стране, т. Ставский особо останавливается на уроках недавних процессов террористических банд Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Радека и других заклятых врагов Советской страны, советского народа.

Эти уроки должны быть самым внимательным образом учтены всей литературной общественностью, так как враги, изворотливо маскируя свои истинные намерения, сумели и сюда пробраться, сумели подчинить своему влиянию некоторых писателей, пустить в ход кое-какие теорийки, еще не разоблаченные до конца.

— Вспомним Воронского, его знаменитый троцкизм в литературе. Он сумел создать свою троцкистскую группу «Перевал», сумел так воспитать эту группу, что она долго сохраняла свои кадры. Было бы наивно думать, что перевальцев об'единяла общность политических установок. Не случайно то обстоятельство, что именно Воронский, а вслед за ним и Радек, подсунули Пильняку, по его собственному признанию, тему контрреволюционной «Повести о непогашенной луне».

— В Ленинграде орудовала группка Горбачева-Лелевича. Если там несколько молодых писателей были сбиты с правильных позиций, то виноваты эти заклятые враги и, конечно, литературная общественность, не сумевшая во-время разглядеть контрреволюционеров, вырвать из-под их влияния этих писателей.

— А Тер-Ваганян и Фридлянд? При попустительстве бывшего секретаря парткома писателей эти негодяи в свое время имели возможность получить трибуну для выступлений. Они подвизались в журналах «Октябрь» и «Новый мир». Убийца Пятаков был оргсекретарем драмсекции и получил доступ на страницы «Нового мира». На Украине председателем союза был подлый враг, троцкист Сенченко. В Армении в союзе орудовали такие предатели, как Ончоян, Алазан, Бакунц и т. д.

— Наши писатели, — заявляет т. Ставский, — отлично понимают, какие сложные задачи стоят перед ними, отлично представляют себе обстановку, в которой приходится жить и работать Советскому Союзу. Вместе со всем народом писатели готовятся к защите социалистических достижений, и в подавляющем большинстве своем наша литературная среда — подлинно советская и беззаветно преданная делу, которому служат подлинные трудящиеся нашей великой родины. Это обстоятельство и является залогом того, что все чуждые элементы, пролезшие в литературные организации, не сумеют сыскать себе там прочное гнездо и будут при активном содействии всей писательской массы полностью разоблачены.

Говоря о творческих задачах, стоящих перед литературной общественностью, т. Ставский особо выделяет роль, возлагаемую создавшейся обстановкой на критиков.

— Если подсчитать количество произведений, которым критика уделяет внимание, то может создаться впечатление, что у нас и говорить не о чем. Между тем действительность свидетельствует о другом. На книжном рынке появляется множество книг, и среди них не мало таких, которые заслуживают самого пристального внимания, таких, которые дают их авторам право на серьезную поддержку и помощь.

Для того, чтобы покончить с ненормальным положением, когда колоссальная книжная продукция в силу известной неорганизованности критики остается вне поля зрения и не получает никакой оценки, т. Ставский намечает следующие мероприятия: организовать при правлении союза определенную группу критиков, на которую должна быть возложена задача делать, в первую очередь, для правления, систематические обзоры литературы по темам, по территориальным признакам и т. д. Это явится одним из реальных средств учета всего нашего огромного литературного хозяйства.

Но и писатели должны осознать свои обязанности перед литературной общественностью, перед союзом советских писателей.

— Ведь правам о писателях в нашей стране могут позавидовать — и завидуют — писатели любой капиталистической страны. Где еще художник слова пользуется таким доверием, как у нас, где еще созданы для него такие прекрасные бытовые и всякие иные условия? Но там, где большие права, там и большие обязанности. А от них-то иные писатели часто уходят. Иногда приходится сталкиваться и с отношением к ССП как к некоему департаменту, а не как к творческой организации: нет желания помочь союзу изжить имеющиеся у него недостатки, нет боли за его работу, нет стремления улучшить его практику, как практику родного коллектива.

Тов. Ставский подчеркивает, что творческая среда не должна пониматься как такая среда, где нужно собираться для того, чтобы говорить друг другу приятные или неприятные вещи и этим ограничиваться.

На примере того, как создавалась книга Павленко «На Востоке», можно видеть, что наиболее положительные результаты дают обсуждения не замкнутого, узкопрофессионального характера, а такие, к которым привлекаются и люди другого опыта. Павленко помогали советами и конкретными указаниями работники Красной армии, партийные деятели, писатели, и это есть то новое, за что ССП должен ухватиться и ввести в практику своей повседневной работы.

Возражая против общих слов об отставании литературы, т. Ставский дает обстоятельный перечень книг, вышедших в последние годы, среди них произведения, прочно вошедшие в фонд советской литературы: «Как закалялась сталь» Островского, «Последний из Удэге» Фадеева, «Одиночество» Вирта, «Педагогическая поэма» Макаренко, «На Востоке» Павленко, романы Тынянова, Шолохова, Панферова и т. д.

Убедительным ответом на упреки в отставании является и огромный перечень произведений, которые подготовляются писателями к двадцатилетию Великой Пролетарской революции.

Но в ряде случаев нельзя ограничиться одним только выявлением того, что дадут писатели: нужно ближе подойти к их замыслам, нужно своевременно создать благоприятную обстановку для их работы, позаботиться о том, чтобы все лучшее, что создается на языках советских народов, а также в краевой и областной литературе, стало как можно скорее всеобщим достоянием.

— Нам нужно работать по-новому! Нам нужно бороться за развитие традиций великой русской реалистической литературы, традиций Пушкина и Горького. Мы — наследники опыта Маяковского. Мы окружены заботой и вниманием партии, правительства, всей советской общественности. Все в наших руках, все открыто для нас, все доступно нам. И от нас самих, от нашей воли, от нашего упорства, от нашей работы над собой зависят дальнейшие успехи советской литературы. Мы должны оправдать надежды, которые возлагают на нас советские и зарубежные читатели. Мы отвечаем и за мировую литературу, — это надо помнить.

Стенограммы доклада и заключительного слова т. Ставского будут опубликованы в следующем номере нашей газеты.

Пушкина хорошо знают в Азербайджане

Речь тов. С. Вургуна

— Товарищи! Азербайджанский народ в лице лучших мастеров художественного слова всегда высоко ценил бессмертные творения великого сына русского народа — А. С. Пушкина. Еще сто лет назад, в 1837 году, после знаменитого стихотворения Лермонтова «На смерть Пушкина», у нас первым на Востоке откликнулся на трагическую смерть Пушкина 25-летний Ахундов — родоначальник азербайджанской драматургии.

Товарищи, сто лет в сердцах азербайджанского народа живут эти горячие, искренние, бессмертные слова великого сына азербайджанского народа.

Ахундов не только грустит по поводу безвременной смерти Пушкина. Он дает знать своему народу, что гибель великого поэта — результат «сговора убийц».

В этих исторических словах вскрыта политическая сущность этой трагедии. А вскрыть и разоблачить царское самодержавие в то время было трудно и для этого нужно было иметь большое мужество. В этих бессмертных стихах гремел могучий голос молодого поэта, который призывал Азербайджан и весь Кавказ против придворных убийц, против русского самодержавия, под холодным дыханием которого гасли, как ночные лампады, умы и сердца прогрессивного человечества.

И не случайно, что первый перевод этого стиха на русский язык был сделан известным поэтом-декабристом Бестужевым, личным другом Ахундова.

Имеющиеся у нас исторические документы свидетельствуют о том, что Пушкин имел близкое отношение к бы другом крупных поэтов Азербайджана. Он знал и уважал известного азербайджанского поэта Фазилишейба.

Пушкин был хорошо знаком с крупным просветителем того времени — Бакихановым, который посещал Пушкина в Петербурге.

Богатое творчество Пушкина до Октябрьской социалистической революции не было достоянием широких масс азербайджанского народа. Правда, еще до революции наши классики, как например, Сеид Азим, Абас Сиххат, Сабир и другие, перевели лишь некоторые стихотворения и поэмы Пушкина на азербайджанский язык. Советский Азербайджан может гордиться тем, что под непосредственным руководством тт. Багирова и Рахманова силами наших лучших поэтов уже издан на азербайджанском языке **трехтомник** Пушкина.

Переведены следующие произведения: «Цыганы», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Медный всадник», «Полтава», «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Станционный смотритель», «Пиковая дама», «Путешествие в Арзрум», все рассказы и сказки и десятки стихов.

Кроме этого, вышел из печати особым изданием «Евгений Онегин».

Постановлением правительства Азербайджанский народ воздвигает памятник великому русскому поэту в Баку, столице Азербайджана.

Да здравствует братство наших счастливых народов великой советской земли! **(Аплодисменты).**

Да здравствует наша могучая социалистическая культура!

Да здравствует учитель и друг наших писателей, наш родной Сталин! **(Аплодисменты).**

Пересмотреть методы нашей работы

Речь тов. П. Ф. Юдина

— Товарищи, наш пленум имеет исключительно большое значение. В центре внимания пленума стояли два вопроса огромной важности: это вопрос о Пушкине и значении его творчества для нашей советской социалистической литературы и, во-вторых, вопрос о подготовке к двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи, 20 лет — срок с исторической точки зрения как бы незначительный, но 20 лет создали в нашей стране совершенно новых людей.

Великий Энгельс писал, что только социализм открывает настоящую историю человечества, а все предшествующее — это есть лишь предистория. При социализме человек из животных условий борьбы переходит в подлинно человеческие условия существования и борьбы за лучшую жизнь на земле.

И вот мы создали эти подлинно человеческие условия существования, создали подлинно нового человека. Вот что особенно поражает людей, приезжающих впервые в нашу страну.

Создание социалистического общества — это самый значительный, величайший факт в истории человечества за всю историю его существования. И 20-летие Великой социалистической революции является тем этапом, когда все человечество, не только мы, живущие в стране Советов, не только наши друзья, но и враги, будут подводить итоги всего того, что сделано нами за 20 лет.

На писателей ложится задача, во-первых, помочь рабочему классу, всем трудящимся нашей страны, и не только нашей страны, подвести эти величайшие итоги в создании нового человеческого общества. Во-вторых, подвести итоги собственной работы, собственного творчества и выявить, что мы можем дать в дальнейшем в области художественного творчества.

Маркс говорил, что коммунизм — это самое практическое движение.

Возьмите речь Ленина на III с'езде комсомола в 1920 году. Он говорил: «Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы об'единимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных»[1]. Это и есть коммунизм.

Ленин говорил в другом месте, что социализм начинается там, где женщина становится равноправной на деле. Социализм начинается там, где наука становится практически на службу человечеству. Социализм начинается там, где люди из низов общества поднимаются на вершины культуры, на вершины государственного управления, на вершины искусства. Социализм — это вся жизнь в повседневном ее бытии.

Вот что такое социализм, который дал жизнь миллионам людей, открыл свободный путь безграничного, бесконечного развития человеческой индивидуальности.

Наша эпоха замечательна тем, — об этом здесь т. Фадеев хорошо говорил, — что у нас есть подлинный демократизм, демократизм, соответствующий лучшим чувствам и потребностям человечества, осуществляющийся повседневно в нашей стране.

Что такое демократизм? Переводя это из философских теоретических отвлеченных определений на язык практики, это значит, что человек сегодня, завтра, повседневно чувствует себя хозяином знает, что над ним не висит плетка, увольнение. Не висит опасность издевательства, не висит опасность беспричинного, без всякого повода, унижения и т. д. А если это и случится, он знает, что найдет правду. Это прекрасно выражается у наших колхозников, когда они чувствуют это, они говорят: «до Калинина дойдем». **(Аплодисменты).**

Это—повседневное чувство правды. Человек, который пять лет тому назад был неграмотным, сомневался в советской власти, в социализме, сейчас знает, что такое правда. Один крестьянин при обсуждении Конституции говорил так: «Я, товарищи мужички, из тех, кто колебался, и чорт его знает, сейчас я и сам не об'ясню — почему. Сейчас никаким колебаниям нет места, потому что я всю жизнь мечтал о справедливой жизни. Она наступила. Я всю жизнь мечтал, чтобы я видел, что я буду делать завтра. Это время наступило. Теперь мне все ясно. Я не колеблюсь и буду убеждать тех, кто будет колебаться».

Это речь рядового колхозника, крестьянина, который очень много времени колебался.

Демократизм — это значит, что народ прямо выражает свою волю. Это—развязывание всех творческих сил народа, прямое мнение, прямое участие народа в решении всех важнейших политических дел в интересах народа и для народа. Это главное. Возьмите нашу партийную политическую печать последнего времени. Возьмите передовые статьи «Правды» о политическом воспитании, о демократизме, как «Правда» бичует подхалимство и т. д. Это — воспитание подлинно человеческого достоинства у людей.

Пользуясь огромным влиянием, огромным авторитетом партии, некоторые не совсем умные руководители иногда думают: «Вот я какой, вот до чего дошел, только я и смогу это делать, без меня все пропадет».

Есть еще люди, у которых в душе сидит этот старый пережиток капитализма, пережиток феодализма и даже рабского общества, если угодно. Эти люди окружают этих не совсем иногда умных руководителей.

Доходит до смешного. В одном городе проходит пушкинское городское собрание, и актив города посылает приветственную телеграмму секретарю, который сидит на этом пушкинском собрании. Это, так сказать, новые шаги в пушкиноведении. **(Смех. Аплодисменты).** Нет ли подобных явлений в среде писателей?

Я вам покажу, в какой форме это есть. Вот, например, писатель, за которым укоренилась слава корифея. Ничего не стоит этому писателю зайти в издательство и сказать: такой-то написал хорошую книжку, — даже не читая ее. Там сразу решают: раз он так сказал, значит нужно напечатать.

Если эту книжку потом подвергнут критике, то писатель, которого критикуют, идет не в журнал, не в союз писателей, а именно к этому «патрону». Он подхалимничает, на брюхе ползает перед ним, славословит и словоблудит перед ним. Так принципиальное, идейное отношение к литературному произведению, его беспристрастная художественная оценка заменяется мелким личным подхалимажем.

Демократия требует от нас вытравить эти настроения. Воздух будет свежее, каждый будет дышать свободнее, люди будут лучше расти.

Демократия требует такого отношения к людям, чтобы человек чувствовал, что ему доверяют, чтобы наш честный советский человек чувствовал, что ему доверяют.

У нас иногда бывают такие рассуждения и в партийной среде, — что сейчас никому нельзя верить.

Коммунисты или беспартийные, которые так говорят, окажутся на деле теми людьми, которые допустят самые враждебные действия.

Бдительность возможна только там, где есть доверие, доверие к народу, к каждому честному человеку, где действуют сообща.

По Конституции выборы будут проводиться тайным голосованием. Что это такое? Это—величайшее доверие всему народу.

Вопреки подлостям и гадостям, которые делают наши враги фашисты, троцкисты—наша партия и правительство в ответ на это говорят: мы пойдем к народу и народ вас разоблачит.

Я думаю, что такое отношение, такую атмосферу доверия к писателям, доверия к членам союза писателей на-

до создать и надо заставить следовать этому каждого работника, работающего в литературе на большом или малом посту. Без этого нельзя и шагу сделать при наших условиях, при условиях социализма.

Иногда слышишь такие рассуждения: у нас в союзе писателей такие люди, с которыми ничего не сделаешь.

Обязанности нашего союза перед страной, перед рабочими, колхозниками, перед партией и правительством союз должен выполнять. Если так говорят люди, стоящие у руководства, как в журналах, так и в аппарате союза, то, повидимому, эти руководители плохи.

Возьмите пример с железнодорожниками. Два года тому назад это были люди, ходившие с опущенной головой. Сейчас железнодорожник — почетный человек. В чем дело? Дело в том, что переделали людей, заставили их работать по-другому. Л. М. Каганович своим замечательным сталинским методом руководства вложил в них другую душу. **(Аплодисменты).** Надо пересмотреть методы работы в союзе писателей.

Каждый должен знать, что он на месте, — вот основной принцип нашей работы в союзе. Если человек не знает, что он делает, не знает, нужен ли он или не нужен, он болтается, развинчивается, и таким образом зарождаются всякого рода враждебные настроения в этой среде.

Мы иногда делаем так в практике своей работы, в журналах, издательствах и в органах союза: поручаем одному сделать то-то, поручаем другому созвать совещание, поручаем третьему такую-то работу, и создается такое положение, что человек чувствует, что он обязан это делать. Но наша Конституция дает гражданам не только обязанности, но и права, и давайте будем давать больше прав тем, кого мы привлекаем к работе, чтобы они чувствовали, что они имеют не только обязанности, но и известные права. Это надо провести в жизнь.

На основе материалов работы нашего пленума необходимо решить вопрос — как на основе Конституции перестроить работу союза писателей и всех его звеньев.

Писатели наши еще мало и плохо знают жизнь страны, жизнь и работу наших замечательных людей. В нашей стране воспитывается и воспитан новый, социалистический человек. А этого нового человека писатели знают плохо, подходят к нему со старой меркой. А между тем психология, строй чувств и мыслей у людей новые.

Однажды в печати сообщалось, что среди детей — школьников Польши и в Советском Союзе была проведена анонимная анкета. В этой анкете был такой вопрос: «Что бы ты сделал, если бы был невидимкой?».

Школьники Польши отвечали так: я бы обокрал банк, я бы залез в булочную, я бы залез в колбасную, я бы того-то убил.

А наши школьники отвечали так: я бы освободил Тельмана **(аплодисменты)**, я бы уничтожил Гитлера **(аплодисменты)** и т. д.

И самый корыстный ответ, самый «мелкобуржуазный ответ» дал один школьник, который написал: я бы все время ходил в кино. **(Смех).**

Это говорит о том, что у людей создалась новая психология. Каждый из нас, общаясь с детьми, — особенно это известно детским писателям, — знает, что никогда ваш сын или дочь не спросит: папа, почему мы не купим себе этот дом?

Почему? Надо задуматься над этим вопросом. Новая психология создалась у людей, новый строй чувств, новый порядок мыслей, начиная с детского возраста. Все это надо понять, все это надо отразить в своих произведениях.

Нашим писателям нехватает действительного знания нашей эпохи, умения быть на уровне нашей политики.

Возьмите классиков, родных, близких нам, возьмите Пушкина, Толстого. Это не только писатели, но это политические бойцы, стоящие на уровне своего времени не только в области культуры и науки, но и в области политики. Это были страстные бойцы.

Многим нашим писателям недостает именно этого. И Сельвинский, и Пастернак и целый ряд других писателей не являются политическими бойцами в должной мере. От этого страдают их произведения.

Все недостатки, которые относятся к писателям, в такой же мере относятся и к критикам. Но надо сказать, что в смысле политического и теоретического уровня критики стоят выше писателей.

Критика должна была бы не только давать отзывы о произведениях писателя, но и показать, как и что нужно было бы сделать.

Критик ограничивается обычно тем, что критикует недостатки писателя. Но не идет дальше, не указывает писателю пути правильного решения вопроса.

Наша критика работает еще наполовину. Она не поднялась на уровень классической критики, как и многие наши художественные произведения, произведения большинства писателей не поднимаются на уровень классических произведений. В нашей критике есть еще люди, нетерпимые в нашей среде. Поскольку дело прошлое, я не буду называть людей. Редакторы одного журнала приглашают на работу заведомо враждебных людей: один в прошлом — активный троцкист, зиновьевец, другой — член право-левацкой ломинадзе-сырцовской группы, выгнанные из партии, из литературы. Но почему-то один за другим приглашаются в журнал на активную работу, в качестве основных «критиков». Начинают писать и восхвалять людей их приласкавших, своих «хозяев». Я имею в виду журнал «Театр и драматургия». С такими нравами надо решительно бороться.

Недостатков у нас в литературе много, в частности организационного порядка. Возьмите Гослитиздат. Что для него характерно? Он составляет план. Участники пленума получили план на руки, смотрели: один нашел себя, другой — нет, один — в большем, другой — в меньшем количестве переиздан. Если вы проверите выполнение плана Гослитиздата через год, то увидите, что не «подвели» его только классики. Это не только потому, что писатели подводят, но и потому, что в издательстве нет культуры в работе с писателями.

С издательствами сейчас идет борьба за культурное оформление книг.

Количество опечаток в книгах достигает до 200—300, а то и 500 опечаток на книгу. Это недопустимое явление, это безобразие, это прямо должно быть сказано по адресу наших издательств.

Каждая организация нашего союза — республиканская, областная и т. д., каждый участок нашей работы — журнал, издательство и т. д. должны реально предусмотреть, что мы дадим действительно к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Надо серьезно, со всей политической ответственностью, со всей ответственностью советских граждан, активных строителей социалистического общества, обдумать, что мы дадим достойного нашей великой замечательной социалистической эпохи. **(Бурные аплодисменты).**

[1] Ленин. Соч. т. XXX, стр. 415.

Ф. ЛЕВИН

Выжечь до конца

Художественная литература — острое оружие классовой борьбы. Естественно, что и сам процесс развития и становления литературы есть процесс классовой борьбы.

Наша советская литература выростала и крепла в жестокой борьбе со всякого рода классово враждебными теориями, носители которых пытались свернуть нашу литературу с большевистского пути, пытались завладеть хоть каким-либо участком литературы, сколотить хоть какой-нибудь отряд писателей и поэтов и противопоставить его пролетарской диктатуре.

Всем известна та борьба, которую пришлось вести за годы нашей революции против откровенно буржуазных теоретиков формализма, против сменовеховцев, прямо ориентировавшихся на новобуржуазную литературу, против контрреволюционного троцкизма, стремившегося начисто ликвидировать пролетарскую литературу и предоставить литературную область в монопольное владение «буржуазной творческой интеллигенции».

Всем известно, что контрреволюционные группировки, боровшиеся против нашей партии, создавали свою агентуру и в области литературы. Воронщина и литературная группа Воронского «Перевал» являлись выражением троцкизма в литературе.

В своей теории и литературной практике «перевальцы» боролись против пролетарской литературы, протаскивали идеалистическую философию «непосредственных впечатлений» и слюнявый гуманизм по отношению к классовому врагу.

Право-левацкий блок создавал в литературе свою цитадель в виде «Литфронта», стремившегося подменить подлинную борьбу за литературу больших художественных обобщений, борьбу за социалистический реализм фактографией и поверхностной агиткой, голой публицистикой, а освоение классического наследства великих реалистов прошлого заменить меньшевистским вульгарно-социологическим отрицанием и третированием их.

Всем памятна и меньшевистская вульгарно-социологическая переверзевщина со всеми ее разновидностями. Все эти теории были разоблачены и разбиты в прямой открытой борьбе. Советская литература, руководимая великой партией Ленина—Сталина, шла от победы к победе, создавая замечательные произведения, утверждая боевой социалистический реализм.

Однако, враг еще стремится навредить нам везде где можно. Остатки влияния классово враждебных теорий и антипартийной, антисоветской литературной практики до сих пор дают о себе знать в самых различных формах и требуют от нашей критики, от писательского руководства революционной бдительности и беспощадного разоблачения.

Всем известно, что клеветническая «Повесть о непогашенной луне» была буквально продиктована Б. Пильняку врагами партии. Но это ведь только наиболее явный пример.

Между тем некоторые советские писатели в течение долгого времени находились в ядовитой атмосфере контрреволюционного обволакивания. В течение нескольких лет активно действовали в литературе и Воронский, и Горбачев, и другие троцкисты и зиновьевцы. Они принесли огромный вред тем писателям, которые попадали в орбиту их влияния.

Задача состоит в том, чтобы вскрыть эти классово враждебные влияния до конца, и не только в теоретических высказываниях, но и в художественной практике, чтобы показать самим писателям, как проявлялись троцкистские антипартийные и антисоветские идейки в художественных образах.

Троцкистский фашист Радек выступал на первом всесоюзном с'езде советских писателей с докладом о современной мировой литературе.

В этом докладе он изображал развитие и историю советской литературы не как процесс классовой борьбы и процесс перевоспитания писателей, принадлежавших к непролетарской интеллигенции, а как «соревнование, борьбу, взаимное влияние и оплодотворение», происходящие между «пролетарской литературой... и литературой попутчиков».

Иными словами, он, подобно Бухарину, изображал сферу литературного движения за годы революции не как область классовой борьбы при пролетарской диктатуре, а как область классового мира и сотрудничества, устанавливал равноправие пролетарской и непролетарской литературы, искажал подлинную историю.

Радек клеветнически утверждал, что наша революция, которая потрясла мир, не потрясла мировой литературы. Он попытался замазать тот очевидный факт, что вся мировая литература раскололась на два лагеря вокруг отношения к Октябрьской социалистической революции, что на литературу Запада оказала и продолжает оказывать колоссальное влияние наша советская литература, что пролетарское литературное движение на Западе широко развернулось именно после победы социалистической революции в России. Контрреволюционер Радек замолчал в своем докладе десятки имен революционных антифашистских писателей Германии и других стран, начиная с повешенного германскими фашистскими палачами всемирно известного писателя Эриха Мюзама и кончая недавним гостем Советского Союза Лионом Фейхтвангером и нынешним пленником фашистов, лауреатом нобелевской премии Карлом Осецким.

В этом сознательном и подлом замалчивании сказалось троцкистское отрицание возможности существования пролетарской культуры и литературы, троцкистское пресмыкательство перед буржуазной литературой и культурой. Презренный агент фашизма Радек не упомянул ни одним словом о тех революционных писателях, антифашистских бойцах, которые художественным словом дрались против фашизма в неимоверно тяжких условиях, в подпольи, под пулями фашистских молодчиков.

Нужно ли раз'яснять, что этим отрицанием и замалчиванием Радек выполнял идеологический заказ Геббельсов и Розенбергов — палачей германских трудящихся масс. В сущности своей ту же линию завуалированно пытался проводить в своем докладе о советской поэзии правый отщепенец Бухарин.

Под предлогом высочайших требований к нашей поэзии, он об'являл поэзию Маяковского и Демьяна Бедного устаревшей и исчерпавшей свою роль, совершенно замалчивал боевые кадры пролетарских поэтов, действующих оружием политической поэзии, барски-пренебрежительно относясь к политическим газетным стихам и превознося чуждую социалистической действительности эстетскую идеалистическую поэзию косноязычного Пастернака, идеологически порочную поэзию Сельвинского.

В этом сказалось пресмыкательское преклонение перед буржуазной культурой и идеологией, следы которой так заметны в творчестве этих поэтов.

Механистически разрывая содержание и форму, сводя форму поэзии к абстрактному техническому мастерству и усматривая его в формалистически идеалистических кунстштюках, Бухарин в этом направлении пытался ориентировать советскую поэзию.

Корни этой позиции легко обнаружить в старых теориях Бухарина, который еще в 1925 году пытался утверждать, что формализм соединим с марксизмом: стоит только формалистам дополнить свою теорию обращением к социальной сфере, стоит только им перестать замыкаться в узких пределах собственно литературы, и все будет в порядке, и законы литературы, «найденные» формалистами, окажутся полезной составной частью марксизма. В литературной «теории» фашистского бандита Троцкого содержатся те же самые элементы: отрицание пролетарской культуры, сервилизм перед буржуазной культурой, сведение формы к техническим приемам и т. д. Родство литературных взглядов Троцкого и Бухарина здесь самое близкое.

Надо заметить, что разоблачение этой бухаринской попытки дезориентировать советскую поэзию и литературу и разоблачение троцкистского характера замалчивания Бухариным и Радеком пролетарской революционной литературы далеко еще не исчерпывают задач нашей критики в борьбе с этими вреднейшими теориями и их практическими последствиями. Разоблачение наиболее откровенной формы вульгарного социологизма — переверзевщины — отнюдь не покончило одним ударом с вульгарной социологией, успевшей заразить немалые кадры литературоведов и критиков, не имевших лично никакого отношения к меньшевизму. И потребовались еще значительные усилия, чтобы уже в самые последние годы вульгарному социологизму были нанесены решающие удары, чтобы разрушить, например, ту стену, которую вульгарные социологи годами воздвигали между советским народом и великими классиками прошлого, третируя их как дворян и буржуа.

Точно так же в некоторой части нашей критики, а отчасти и среди писателей, укоренилось преклонение перед произведениями буржуазной культуры, и имена Пруста или Джойса способны приводить некоторых из них в состояние, близкое к трансу.

Столь же магическое действие производит, например, как это видно из его статей, творчество Пастернака на молодого комсомольца критика Тарасенкова, успевшего уже заболеть буржуазно-эстетским отношением к искусству.

В то же время, исходя из некритически унаследованных от буржуазной культуры, догматически воспринятых литературных канонов, некоторые критики подходят к литературным явлениям с готовыми мерками. Живая советская социалистическая литература не подходит под эти мерки, и закостенелые критики уже готовы ее отвергнуть. Так происходит недооценка интереснейших явлений нашей социалистической литературы.

Наших критиков в таких случаях поправляли партия, правительство и выросший советский читатель.

Разве это не факт, что замечательная книга Н. Островского «Как закалялась сталь» была далеко не сразу напечатана и оценена критикой, и сначала ее понял, оценил и признал массовый советский читатель.

Отсюда же идет, например, недооценка, на первых порах частью нашей критики романа Н. Вирта «Одиночество». Отсюда часто идет и другое явление — невнимание к очерковой литературе. Многим нашим критикам нехватает чутья, чтобы различить, где перед ними разложение старого жанра в результате его распада (так обстоит дело, например, у Эренбурга, сознательно отстаивающего отказ от сюжета, сознательно нагромождающего в своих последних произведениях груды фактов и людей, мелькающих, как в калейдоскопе), и где перед ними возникает новый жанр, как результат нового мировоззрения, нового подхода к материалу, становления нового стиля.

Живой литературный процесс оказывается много «хитрее» догматических критиков, застывших в немом пиэтете перед устаревшими эстетическими канонами. И справедливо отвергая ту «революцию» формы, которую предлагает Эренбург, критики в то же время не видят, как практически изменяется роман, поэма, как начинают играть важную, огромную роль другие жанры (например в поэзии — песня).

Ведь это же факт, что партия и правительство вносят в работу литературных организаций и критики весьма существенные поправки, имеющие глубоко принципиальное значение, но для многих критиков и писателей неожиданные. Так, например, поэт В. Лебедев-Кумач — автор прекрасных песен, которые поет вся страна, был... кандидатом в члены Союза советских писателей.

С точки зрения канонов так оно и выходило, ибо он писал «всего только... песенки для кино». А с точки зрения масс народа, с точки зрения живых процессов создания народной литературы, простой и понятной массам, он оказался подлинным поэтом.

Если вдуматься в эти факты, придется сделать вывод, что некритическое отношение к буржуазной культуре, загипнотизированность ее доктринами и эстетическим кодексом, с одной стороны, и недооценка явлений новой социалистической литературы, непривычных на вид и цвет, с другой стороны, коренятся более глубоко и встречаются чаще, чем это может показаться на поверхностный взгляд.

Те установки, которые проводил в отношении поэзии в своем докладе Бухарин и которые ведут к троцкистской теории отрицания пролетарской литературы, еще встречаются у нас, частью исходя от классово враждебных критиков, а частью находя место в писаниях критиков, теоретически беззаботных, усваивающих эти взгляды по недомыслию. Совсем еще недавно в критическом отделе журнала «Знамя» была опубликована статья горбачевской ученицы Мустанговой.

Эта троцкистская агентша, во-первых, совсем по Троцкому сводила к нулю значение дореволюционной пролетарской литературы, во-вторых, вслед за своим презренным фашистским шефом, призывала учиться у акмеизма и символизма, ибо эти порождения буржуазной культуры эпохи империализма будто бы представляют последнее слово и вершину развития стиха.

Не за великими классиками русской поэзии, не за Пушкиным, не за Лермонтовым, не за Некрасовым, а за последышами буржуазно-дворянской литературы приглашала она следовать советскую социалистическую поэзию. Троцкистская основа этой явной дезориентации советской поэзии совершенно очевидна. Это прямой курс на капитуляцию, это прямой отказ от борьбы за социалистический реализм.

Но взгляды троцкистки Мустанговой отразились и в писаниях некоторых других критиков — поклонников Пастернака. Пиэтет к буржуазной культуре и ее канонам в различных завуалированных формах еще существует в литературной среде. Об руку с ним идет барски-эстетское пренебрежение к фактам новой, социалистической литературы, дешевенький, интеллигентский скептицизм, прикрывающий по существу защиту старой культуры.

Эти явления в конечном счете представляют продукт ядовитых влияний, разбитых и разгромленных троцкистских и бухаринских литературных «теорий». Их надо выкорчевать до конца в каких бы формах они ни проявлялись. Надо расчистить дорогу подлинным бойцам социалистической поэзии и прозы. Такова задача нашей критики.

Во избежание кривотолков нужно здесь же предупредить, что глубоко заблуждаются те литераторы, которые полагают, будто критика эстетско-формалистической литературы и борьба за развитие социалистической политической поэзии означают амнистию для плохих стихов на актуальные политические темы.

Нет, стихов мы требуем хороших, настоящих.

Плохие стихи никому не удастся выдать за ростки новой социалистической литературы, в особенности потому, что литература наша могуча и имеет блестящие произведения.

IV пленум правления Союза советских писателей СССР

Путь создания книги

Речь тов. П. Павленко

— Я приготовил стройную речь, но после выступления Бориса Пастернака у меня от речи остались одни междометия. После его речи у меня все перепуталось в голове, осталось несколько мыслей, которыми я бы хотел и с вами поделиться, потому что мы раз'едемся и долго не увидим друг друга.

О моей книге много говорили на пленуме, и я бы не хотел занимать ваше внимание своей персоной, если бы мне не казалось, что некоторые мысли мои, автора, только что закончившего книгу, не будут полезны для всех нас.

Тут многие товарищи говорили, — об этом упомянул в своем докладе и тов. Ставский, — что книга эта является работой своеобразного творческого коллектива людей, считавших эту книгу своей и делавших ее как свою. И это верно. Отсюда я делаю для себя вывод, что в наше время нет личной, единоличной книги, нет личной, единоличной темы, нет ничего личного в искусстве, в том смысле, в каком это осуществляет в своей мансарде Борис Пастернак. Чем больше людей вклиниваются в твою работу, тем больше она твоя, тем более интимной она получается. Ничто не может лишить меня моей личной славы, если таковая придет с книгой, если в создании этой книги будут участвовать десятки и сотни товарищей. Наоборот, тем лучше, тем интимнее получится эта книга. Еще Паскаль сказал, что лучшие книги это те, о которых каждый читатель думает, что он мог бы их написать.

Когда вы написали книгу, в которой участвовало много людей, которые внесли в нее свои оттенки, свои интонации, книга приобретает богатство цветовых оттенков, она становится необычайно личной. Сегодняшние дни — мой праздник. Я думаю не о том, как счастлив я, что написал нужную, хорошую книгу, а о счастье, которое получает человек, который, читая ее, думает, что и он бы мог написать эту книгу, но не написал потому, что он строил завод за меня в то время, как я писал эту книгу за него. **(Аплодисменты).**

Я собирался много говорить о работе над романом, но выступления Сельвинского и Пастернака перевели нашу мысль в другую сторону, менее лирическую, более драматическую.

Однажды я читал командиру-танкисту кусок из рукописи, где описывалось танковое сражение. Описано было утро ранней весны, — снег с дождем, плохие дороги и — танки идут в бой. Командир, прослушав кусок, сказал:

— Этого не было.

— Подожди, я прочту дальше.

Читаю дальше. Он опять говорит: не было этого. Я подумал: ну что он привязался, раз я написал, значит было. **(Смех).**

Когда я прочел все, задаю ему вопрос: чего тут не было? Он отвечает:

— Такой погоды не было в день описанного сражения.

— Как не было?

— Такая погода была, может быть, тогда, когда вы писали ваш отрывок, а в день сражения такой погоды быть не могло, потому что при такой погоде показанное сражение не могло произойти. И тут для меня стало ясно, что мы часто путаем погоду, в которой живут наши герои, с погодой, которая на нашем письменном столе. Когда описываешь какое-нибудь событие, нужно думать о погоде, сопровождающей событие, а не о погоде, которая у тебя за окном. Вот Борис Пастернак часто путает погоду, которая сопровождает описываемое им событие, с погодой в его мансарде. Я вытравил этот кусок из романа — не та погода была.

Когда я писал эту книжку, я хотел, чтобы она воевала. Мне хотелось создать не великое произведение, а произведение, показывающее великие события. Я в 11 лет не думал о том, чтобы стать великим поэтом, и в 20 лет не думаю о том же, пошлость подобных мечтаний была всегда ясна, я одного хотел, чтобы моя книга воевала, чтобы она была похожа хотя бы на одного красного бойца, а не на всего Пушкина. Я не обращался к великим классикам, я хотел не спорить с Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, я обращался и хотел разговаривать с моими современниками, соревноваться с товарищами.

Когда я писал книгу, я хотел, чтобы книга была похожа на жизнь, я понимал, что надо учиться у живой жизни. Это есть единственная школа искусства. Другой школы нет.

В наших чрезвычайно узких литературных спорах, отягощенных цитатами, мы иной раз готовы отступить к Пушкину, а по существу многим нужно было бы обращаться к Сократу, сказавшему: «Познай самого себя». Но легче и лучше всего учиться у жизни, итти в жизнь и там находить все жанры, все формы, все откровения.

Начав писать книгу, я робко ставил себе задания, но как только я понял, что моя книга нужна, — написать ее стало необходимостью.

Правда, бывало ужасно тяжело.

Много раз бросал я эту работу, чувствуя, что не справлюсь то с одним, то с другим, то с пятым, то с десятым, что тема давит меня. Но для меня все же было ясно, что не написать эту книгу невозможно. И тогда мне стал казаться правильным такой путь создания книги, когда люди лезут, врываются в мои страницы, говорят, что тут не та погода, а там этого не могло быть, и когда приходится сражаться за свою погоду, отвоевывать или сдаваться. Я понял, что только так остро и можно работать.

Я уверен, что мы скоро изменим свое отношение к собственной работе и работе товарищей и откроем друг другу сундуки своих замыслов. Я уже говорил на оборонном совещании и здесь повторю снова: тов. Леонов, откройте свои сундуки, не бойтесь, мы не украдем у вас ни ваших тем, ни ваших особенностей стиля.

Мы хотим знать, что пишет Леонов, и не из простого любопытства. Нам просто это нужно. Надо пошарить друг у друга. У каждого завалилось много тем, — знаете, как в кармане малоношенного пальто — какие-то веревки, бумажки, обрывки старых писем. Это называется заготовками. Но жизнь богаче наших сундуков.

Мы очень богаты, настолько богаты, что можем очень щедро делиться друг с другом, не обезляя самих себя. Много тем мы заготовили издавна, они лежат в голове, ждут написания и незаметно для нас самих портятся. Темы должно сбрасывать с письменного стола. Кто будет работать на старых заготовках, всегда будет писать плохие вещи, как бы хорошо он ни писал. Могут быть блестяще написанные плохие вещи. Больше жизни, больше сегодняшнего, только что происшедшего, — во все темы наших работ. Тема гениального поэта у Сельвинского — ошибочна, ложна. Будьте маленьким поэтом, пишущим о гениальной действительности, и, может быть, станете когда-нибудь великим поэтом.

В сегодняшнем выступлении Сельвинского было как раз много того, за что его и били: чванство и ячество, которые всех нас в нем нервируют, раздражают.

Тут называли мою книгу лучшей книгой этого года. Без всякой ложной скромности, но из профессиональной азартности я хочу сказать: пусть она будет самой слабой книгой будущего года и пусть лучшей книгой будет книга Сельвинского, я буду рад ей, как собственной! **(Аплодисменты).**

Накануне великой годовщины

Речь тов. А. Безыменского

— Мы, советские писатели, должны притти к 20-летию Октября во всеоружии. Нам надо освободиться от лени, от нелюбопытства, от кабинетной замкнутости; во-вторых, освободиться от мертвых душ, в изобилии имеющихся в поэтических секциях союза; и, в-третьих, от враждебных, мертвых и вредных теоретических построений и ориентаций.

Я думаю, что каждый из нас понимает, что речь идет о вредных докладах Бухарина и Радека на первом всесоюзном с'езде писателей. Разгром их теорий — для нас важнейшая, главнейшая политическая и творческая задача.

Поэтому мне непонятны поэты, которые выходят сюда на трибуну и не говорят об этом; особенно поэты из той делегации (грузинской), которая на первом всесоюзном с'езде официально солидаризировалась с докладом Бухарина.

Вредные теории Бухарина необходимо разгромить.

Что это такое было? Попытка вывести из строя таланты политической поэзии, охаять путь Маяковского, оторвать от нас писателей, которые идут к нам, обмануть их и молодежь, подсунув им в качестве вышки для ориентации творчество наиболее далекого от современности поэта.

Бухарин и Радек получили отпор и в официальном выступлении т. Стецкого, и в речи т. Жданова, и в выступлениях отдельных поэтов на всесоюзном с'езде и после него. Но последствия некоторых из идеек Бухарина и Радека живут и сейчас, и нам нужно жестоко разоблачать их во всех их проявлениях.

Они сказываются и в презрении к стихам, печатаемым в газете, и в нежелании некоторых поэтов писать стихи, которые могли бы передать то, чем живет и волнуется наша страна.

На основе разгрома вредных и вредительских теорий, на основе товарищеской дружбы, на основе высоких требований к себе должна итти консолидация поэтов всей страны, консолидация всех писателей в Советском Союзе.

Мы, товарищи, за последнее время особенно жестоко критикуем некоторых людей. Но что это такое? Есть ли в этом желание отсечь от советской поэзии кого бы то ни было, скажем, Пастернака или Сельвинского? Нет, и тысячу раз нет.

Сельвинский жаловался на то, что берут его 4 строчки и охаивают на основании четырех строк все его произведение. А сам он взял четыре строчки из выступления в «Известиях», четыре строчки, в которых есть неправильности, которые мы отвергаем, и на этом основании строит теорию своей затравленности и говорит страшные вещи, которые стыдно, стыдно повторять.

Товарищи, мы, советская общественность, не берем отдельные четыре строчки поэта Сельвинского, хотя мы можем взять любые четыре строчки любого поэта, если в них заключаются неправильности, и их раскритиковать. По поводу Ильи Сельвинского мы высказывались не один раз. Мы можем привести не четыре строки, а гораздо больше строф, свидетельствующих об ошибках Сельвинского.

Помогали ли мы поэту Сельвинскому как товарищу? Да, помогали. На заседании партийной группы, специально созванном для обсуждения его поэмы о Сталине, мы делились мнениями, указывали на отдельные места и ошибки в поэме, одобряя в целом эту работу. Поэт Сельвинский не послушался товарищей и, ничего не изменив в поэме, через неделю или полторы читал это произведение на минском пленуме и в том же виде сдал эту поэму в печать. Он не выполнил того, что ему товарищи советовали, и это характеризует его отношение к товарищам.

Мы, большевики, честно и прямо говорим поэтам правду в глаза, ибо только на этой принципиальной основе мы можем и должны солидаризироваться.

Нам нужно для успешной работы к 20-летию перестроить, оживить работу секций поэтов. Секция в Москве работала безусловно плохо, и вина в этом лежит на нас всех. Но думаю, что плохо работали секции и на местах. Мы провели несколько очень хороших начинаний: читки на заводах, читки произведений тех товарищей, которые подали просьбы о переводе их в члены союза.

Очень плохо обстоит дело с критикой поэтических произведений. Если исключить имена людей, более или менее эпизодически разговаривающих о поэтах, то имена критиков поэзии следующие: Мирский, Селивановский, Усиевич и Тарасенков. Сугубо неприглядная картина. **(Аплодисменты).**

Что такое Мирский вам абсолютно ясно. Ясен и Селивановский, давший яркие образцы двурушничества и двойной бухгалтерии в критике.

Но вот Елена Усиевич. Она провозглашала П. Васильева — поэта тысячи и одного хулиганства — грядущим поэтом народных миллионов. Она об'являла Ярослава Смелякова светлой надеждой советской поэзии. Оба — и Васильев и Смеляков — контрреволюционеры. Значит ли это, что Елена Усиевич, наш товарищ, член партии, причастна к преступлениям Васильева или Смелякова? Ни в коем случае! Но ее политическая слепота налицо? Налицо! Лживость эстетических позиций, с которых велось возвеличение этих поэтов, налицо? Налицо! И этого опровергнуть нельзя.

Анатолий Тарасенков — наш товарищ и член комсомола. Причастен он хоть в какой-нибудь мере к подлой деятельности Бухарина? Ни в коем случае. Не найдется такого человека, который бы это утверждал. Но разве не провозглашал он Пастернака самым лучшим представителем советской поэзии? Провозглашал. С этих ли эстетических позиций он вел свой разговор? Да. И это опровергнуть нельзя.

К 20-летию советской власти мы, поэты, должны сказать свое лирическое слово о людях, построивших социализм своими руками. Кое-что в этом направлении мы уже сделали и приходим сюда не только с декларацией, но и с книгами.

Сурков выпустил две книги.

Сельвинский написал поэму о Сталине и поэму «Челюскиниана».

Асеев пишет поэму о Маяковском.

Гусев пишет пьесу в стихах.

Безыменский кончил поэму, подготовил новую книгу стихов.

Луговской кончил книгу стихов.

Алтаузен пишет поэму.

Жаров пишет поэму.

Панченко написал целую книгу, посвященную Испании.

Голодный выпустил книгу стихов.

Лебедев-Кумач подарил стране прекрасные песни.

Глоба написал пьесу в стихах.

Молодые поэты Коваленков, Островой, Олендер, Колычев, Длигач, Стрельченко выпустили книги стихов.

Кирсанов написал большую поэму.

Поэты Ленинграда тоже не отстают. Две прекрасные книги стихов выпустил Н. Тихонов. По отзывам, совершенно замечателен его сценарий о Кирове на Кавказе.

Выпустили книги Прокофьев, Комиссарова, Спасский, Лифшиц, Полонская, Саянов, Браун, Заболоцкий, Берггольц, Гитович.

Мы тут же заявляем, что главное — в том, чтобы не успокаиваться на этом, двигаться вперед и вперед, выполняя задание — дать к 20-летию полноценные художественные произведения, достойные нашей страны.

Нам, поэтам, нельзя забывать о том, что близки решающие дни схваток с врагом. Показ всего того, что связано с обороной нашего дорогого отечества, — наша первейшая и основная обязанность. Нельзя забывать о песне, и тут особый счет всем поэтам. Каждый должен посчитать для себя делом чести и доблести дать к 20-летию не одну, а, может быть, несколько песен.

На основе крепкой большевистской дружбы, на основе разгрома враждебных и чуждых нам течений, на основе консолидации наших рядов, двигаясь творчески к 20-летию, мы сможем выполнить свои задачи.

Все выступления печатаются по сокращенной стенограмме.

Задачи литературной критики

Речь тов. М. Розенталя

Товарищи, здесь на пленуме очень много говорили о критике. Критика — неот'емлемая часть литературы. Без развития критики не может быть настоящего, полноценного развития литературы.

Критика имеет свои задачи, вполне самостоятельные. О двух основных задачах нашей советской критики мне хотелось бы сейчас сказать.

Первая задача — это борьба за классическое литературное наследство, за правильную линию в критическом освоении классической литературы.

Вторая задача — это борьба за социалистическую советскую художественную литературу, за воспитание художественного вкуса у широких масс читателей.

Это основные задачи, и с этой точки зрения нужно подходить к вопросу о критике.

Можно сколько угодно говорить, что критика не охватывает всей суммы художественных произведений, что критика не оценила еще произведений Иванова, Петрова и т. д.

Эти недостатки, разумеется, есть, но разве это главное?

Вопрос о борьбе за литературное наследство, за правильную линию в освоении классического наследства — чрезвычайно важный вопрос. Не преувеличивая, можно сказать, что это вопрос жизни советской литературы.

Мы все говорим, что социалистический реализм, это — вывод из развития литературы прошлого. Это все понимают, но не все понимают сущность, смысл этой проблемы.

У нас в литературе до последнего времени очень большое место занимала так называемая теория вульгарного социологизма, которая, по сути, была рецидивом богдановщины в вопросах литературы, в вопросах культуры.

Эпигоны Богданова утверждали, что советская литература создается на голом месте, что вся прошлая классическая культура, вся литература принадлежит буржуазии, дворянству, принадлежит эксплоататорским классам, что советская литература никакого отношения к этому наследству не имеет.

Ведь были такие «теоретики», которые утверждали, что Шекспир жив у нас постольку, поскольку живы пережитки капитализма в экономике и сознании людей, и что с ликвидацией этих пережитков ликвидируется Шекспир.

Товарищи, такие «теории» были довольно широко распространены в нашей литературе.

Критики защищали реалистическую линию классического наследства в противовес формалистической, декадентской линии в развитии литературы прошлого.

Достаточно сослаться на то, что сделала критика в связи с юбилеем Пушкина. К пушкинским дням вышла очень большая литература и, главное, литература, в основном правильно ориентирующая читателей. Это первое.

Следовательно, в вопросе о борьбе за правильное освоение литературы классического наследства критика сделала очень много, и этого никак нельзя отрицать.

Правильно ли советские критики ориентировали литературу, правильно ли они направляли огонь, правильно ли они воспитывали у читательской массы художественный вкус? Это самый главный вопрос.

Начнем с фактов. В последнее время, в течение года, вышел ряд критических книг. Вышли книги Юзовского, Альтмана, Гоффеншефера, Серебрянского. Перцов написал ряд статей в «Знамени», Лифшиц и другие.

Кого критика поддерживала и защищала как представителей правильной линии в развитии советской литературы?

Она защищала и всячески популяризировала те произведения, которые правильно выражают основную линию развития советской литературы: «Как закалялась сталь», «Педагогическая поэма», драматургия Вишневского, «На Востоке» Павленко, «Господин Фицек», «Последний из удэге», рассказы Платонова, «Белеет парус одинокий».

Против кого критика резко выступала? В «Литературном критике» буквально в каждом номере писали о Пильняке и только через три года на президиуме ССП решили, что оценка творчеству Пильняка была дана правильная.

Мы резко критиковали «Книгу для взрослых» Эренбурга. Критиковали Сельвинского.

Затем критика выступала против романа Шухова «Родина», против Рубинштейна, Евдокимова, Лидина. Эти факты доказывают, что критика правильно била по произведениям, которые отклоняются от социалистической линии развития советской литературы.

Следовательно, на вопрос о том, выполняет ли свои основные задачи критика, правильно ли она борется за социалистическую линию развития литературы, нужно ответить в основном положительно. Это доказывают и подтверждают факты. А критику огульно отрицают.

Здесь тов. Безыменский вспомнил, что в 1934 году Усиевич написала статью о Павле Васильеве, в которой она критиковала Павла Васильева, причем считала, что при условии, если Васильев будет итти вместе с нами, он сможет стать большим поэтом. Этот прогноз не оправдался. Но почему Безыменский бесконечно вспоминает только об этом? Почему Безыменский, когда он выступает, обязательно говорит об этой ошибке? Ведь Усиевич писала и правильные вещи, в частности, она написала о Безыменском, что он пишет плохие стихи. **(Смех).** Безыменский в каждом своем выступлении вспоминает эту статью. А мы один только раз скромно сказали, что он пишет плохие стихи, и больше не вспоминаем об этом в надежде, что Безыменский станет писать лучше. Тов. Безыменский, вам надо брать пример с критики.

Я лично более оптимистично настроен, чем некоторые товарищи, которые склонны часто в своих выступлениях говорить о том, что критики у нас нет, что критика ничего не делает. В этих выступлениях есть тенденции как-нибудь уйти от самокритики, под флагом критики критиков отвлечься от собственной самокритики. Это нехорошая тенденция, и против нее нужно бороться.

Критика у нас молодая, она только растет. У нас в среде критиков есть не мало людей, которые работают в литературе только 4—5 лет, — это не так уж много.

Имейте в виду, что процесс создания, формирования, воспитания новой критики — чрезвычайно сложный и трудный процесс. Критики должны учиться. И союз советских писателей должен всячески поддерживать критику, создав условия для учебы критиков, создав все необходимые условия для того, чтобы критика начала лучше выполнять ту роль, которая ей предназначена.

Пушкин в Башкирии

Речь тов. А. Тагирова

В башкирском народном творчестве есть легенда о певице Шерифе. Однажды, потому ли, что ее тоска заела, пошла Шерифе на реку Белую, села на прибрежные камни и, глядя на белые гребенчатые волны, запела.

Ее песня была печальна. Она так захватывала, что, казалось, река перестала течь, ветер затих, а гуси и утки, плавающие на воде, рыбы, гуляющие под водой, собрались у берега, чтобы послушать песню Шерифе.

В это время муллы правоверные, тарханы (дворяне) и народ должны были собраться в мечеть на молитву. Кто-то сообщил им о том, что Шерифе поет. Все, забыв про молитву, побежали к Шерифе и стали слушать ее песни.

А Шерифе пела песни о свободе, о героях, боровшихся за счастье народа, она пела о народных героях, которым отрезали уши, носы, языки, которых сажали на колья, вешали за ребра.

Тарханы и муллы ей самой отрезали язык бритвой за песни о свободе.

Судьба А. С. Пушкина напоминила мне эту легенду. Правительство Николая I хотело задушить клич свободы этого великого поэта, хотело отрезать ему язык, сломать его перо за то, что он пел песни о свободе.

Погиб поэт, но его гениальные произведения остались. Эти произведения сегодня являются достоянием народов всех стран. Их читают все национальности. Все национальности из творчества Пушкина черпают творческие силы.

Пушкин — легендарный поэт. Его песни зарождают в сердцах людей доброту и благородство. Пушкин — заря, весна русской литературы. Пушкин — солнце поэзии. Это солнце всего человечества. Родина этого солнца — страна Ленина, страна Сталина.

Башкирский народ, не имевший до Октябрьской революции ни письменности, ни литературы, не только не читавший Пушкина, но и не знавший его имени, сегодня на своем родном языке читает произведения Пушкина.

В этом году на башкирский язык переведен ряд произведений великого поэта: «Капитанская дочка», «Дубровский», «Каменный гость», «Цыганы», «Русалка», «Борис Годунов» и лирические произведения Пушкина. Башкирский государственный академический театр ставит «Бориса Годунова» на башкирском языке. Десятитысячным тиражом издана на башкирском языке книга Вересаева «Жизнь Пушкина», переведены статьи Максима Горького, статьи тт. Кирпотина и Косарева о Пушкине.

В печати Башкирии опубликовано свыше 1000 статей и литературных очерков, посвященных Пушкину и его творчеству.

В Уфе недавно открылась пушкинская выставка. На ней имеется значительное количество экспонатов, отражающих тот период, в котором жил Пушкин, его отношение к декабристам, его творческий путь.

В г. Белорецке открылась новая полная средняя школа имени Пушкина на 880 человек. Одна из улиц города Белорецка названа именем Пушкина.

В проведении пушкинских дней приняли участие все районы Башкирии, все предприятия, заводы, фабрики, колхозы и совхозы. В Башкирии не осталось ни одного уголка, где бы не были заслушаны доклады, лекции, где бы не были проведены беседы о творчестве Пушкина.

Среди башкир создаются песни, пишутся стихотворения, посвященные Пушкину. Произведения Пушкина читаются башкирами с исключительной любовью.

Любовь башкирского народа к Пушкину характеризует такой эпизод. В 1918 году, когда Советская республика была окружена белыми бандами, башкирским красноармейцам пришлось проехать через село Михайловское, где погребен поэт. Остановившись в Михайловском, красноармейцы организуют субботник и ремонтируют дом няни поэта — Арины Родионовны. Это показывает, что даже во время напряженной борьбы за советскую власть, за свою родину, башкирский народ помнил и чтил великого русского поэта А. С. Пушкина.

Александр Сергеевич нам, башкирам, дорог еще тем, что он в своем замечательном произведении «Капитанская дочка» с большой правдивостью и мастерством описывает участие башкир в пугачевском движении.

Пушкин изображает башкир в их борьбе против царского самодержавия не только борцами, но и агитаторами и пропагандистами идей пугачевского движения среди масс. Это полностью соответствует историческим фактам революционной борьбы башкирского народа.

Пушкин изучал борьбу башкир не только за время пугачевского восстания. В его произведениях мы находим места, где упоминается известное восстание 40-х годов XVIII века.

Содержание творчества Пушкина отличается своим интернациональным характером. В его произведениях отражены не только башкиры, но и десятки других народов и национальностей.

Расовый шовинизм и узкий национализм чужды творчеству Пушкина. Пушкин — любимый поэт всех национальностей. Он поэт многоязычный. Мы его любим, уважаем и чтим.

Изучение творчества Пушкина, его творческих приемов должно помочь дальнейшему росту литературы и особенно поэзии нашей многонациональной страны, должно помочь писателям развивать чувство любви и дружбы, отыскивать пути к сердцу человека.

Пушкин бессмертен. Он живет в своих гениальнейших произведениях, он живет и занимает достойное место в литературе всех народов великого Советского Союза. Миллионные массы, осваивая культурное наследство, радостно встретились с А. С. Пушкиным как «младое незнакомое племя», которое поэт восторженно приветствовал в своих стихах.

А. С. Пушкин мечтал о радости и счастье для всех. Но только при социализме осуществимо на деле это общечеловеческое счастье. Сейчас, когда это счастье достигнуто на нашей советской земле под руководством гениального вождя товарища Сталина, поэтические слова Пушкина зазвучали с новой силой, засверкали новыми радужными красками.

Столетняя годовщина смерти гениальнейшего поэта А. С. Пушкина отмечается в нашем Союзе как явление крупнейшего исторического значения. Это стало возможным только в результате победы Великой Социалистической Октябрьской революции, победы социализма в нашей стране, осуществленной под гениальным водительством великого и любимого вождя народов — Сталина.

Да здравствуют коммунистическая партия и вождь всего трудового прогрессивного человечества товарищ Сталин! **(Аплодисменты).**

Наблюдательность, бдительность и зоркость

Речь тов. Павле Яшвили

Доклад т. Ставского со всей очевидностью показал нам, какую внушительную силу представляет собой советская литература после нашего первого с'езда.

Каково бы ни было мнение литературных снобов, — ясно, что советская литература в целом и лучшие представители ее оправдали тот под'ем, с которым мы проводили первый с'езд советских писателей.

Я хочу обратить ваше внимание на одно интересное явление, которое принесет несомненную пользу дальнейшему развитию нашей литературы. Это — пример работы т. Павленко над своим романом. Тот, кто беседовал с тов. Павленко, тот, кто знает процесс создания этой замечательной книги, должен убедиться, что Павленко оправдал один памятный для каждого лозунг большевистской партии. Большевики говорят, что скромность украшает большевика. Павленко доказал, что скромность украшает писателя. **(Аплодисменты).**

Павленко доказал, что он не чуждался ни одного замечания, которое исходило от людей заинтересованных в дальнейшем развитии нашей литературы, которые всем своим сердцем заинтересованы в том, чтобы наша литература процветала, наши авторы побеждали. Этот опыт коллективной проработки произведений писателей нуждается в дальнейшем развитии.

Не случайно, что т. Ставский начал свой доклад призывом к большевистской бдительности. К тем преступлениям, которые вскрывались на процессе агентов фашизма, изменников, террористов и вредителей, присоединяется еще гнусная деятельность тех врагов грузинского народа и всех народов СССР, чья причастность к троцкизму, к блоку Зиновьева и Каменева, к блоку Пятакова и других была выявлена процессом.

Фамилии их вам известны — это Мдивани, Торошелидзе, Кавтарадзе, Окуджава, Готоберидзе, Агниашвили, Джикия и др.

Это те фамилии, которые проклинают во всех уголках Грузии, на каждом перекрестке, в каждом доме Грузии, ибо эти люди готовили покушение на великого Сталина и одного из лучших его учеников — руководителя грузинского народа т. Берия.

Я хочу предостеречь молодежь от повторения наших ошибок. Каждого человека, с которым ты общаешься, надо проанализировать и проверить. Нужно быть бдительным к каждому его шопоту и поступку. Если зоркость писателя будет обращена к каждому человеку, с которым он общается, ему не трудно будет разгадать врага. Обязанность писателя — быть наблюдательным, бдительным и зорким. Этому нас учит великая партия. **(Аплодисменты).**

Наблюдательности мы должны учиться также у великих наших предшественников, классиков наших литератур.

Пусть никто не удивляется, что я коснусь некоторых частных вопросов. Я являюсь представителем дореволюционного поколения грузинских писателей. Я являюсь представителем того поколения грузинских писателей, которые не могли избежать влияния декадентов, распространенного в начале XX века, всюду, в том числе и у нас. Декадентство было связано с богемой.

Я хочу предостеречь молодежь от увлечения богемой, потому что эта традиция уводит всегда к врагам, она ведет к отказу от тех высших идеалов, которые выражает сейчас наша советская действительность.

Когда я говорю о гражданской честности, о гражданской морали, то я имею в виду, что наше поколение, которое в прошлом было заражено декадентским грибком, должно круто осудить все рецидивы мелкобуржуазной декадентской жизни, от которых мы не совсем избавились, должно следовать примеру тех писателей, которые начали свою жизнь в колыбели Октябрьской революции, которые свое творчество начали под Октябрьскими знаменами.

Одна из самых популярных личностей, которых знает наша действительность, это — покойный Островский.

Мы знаем, как этот человек сконденсировал в себе всю высокую мораль советского человека. Мы, здоровые люди, которых судьба наградила всеми возможностями шагать по этой земле, работать, должны быть людьми таких же моральных устоев, которые носил в себе Островский. **(Аплодисменты).**

Когда я ищу примеров среди моих товарищей писателей и поэтов, — я вспоминаю благородное имя Н. С. Тихонова.

С первых же дней гражданской войны этот поэт, — который тоже был ущемлен некоторым влиянием декадентства, — был на фронте гражданской войны. Все эти годы он проводил и проводит сейчас большую плодотворную работу. Являясь прекрасным мастером стиха, он выполняет огромную работу и как гражданин.

И как понятна была вчера боль, с которой он обратился к поэтам, не присутствовавшим на его докладе и которые не принимали участия в обсуждении его доклада о Пушкине.

Тихонов и Тынянов в живых, острых докладах показали нам величие пушкинского гения. Я хочу успокоить т. Тихонова: тень Пушкина была здесь на нашем пленуме и она вполне заменила тех писателей, которые не захотели притти сюда. **(Бурные аплодисменты).**

На С'езде Советов, который принял великую сталинскую Конституцию, мы слышали предупреждающий голос, исходящий от великой коммунистической партии, что военная опасность для нашей родины велика. Эта война будет одной из самых ужасных войн. Мы должны встретить ее во всеоружии, как подобает бойцам.

Счастлив тот современный поэт, который узнает, что с его песнями наши гордые, наши мужественные красноармейцы двигались вперед по территории того врага, который посмел напасть на нас. **(Бурные аплодисменты).**

Когда мы говорим о честности и морали, мы должны брать пример с классиков, ибо, несмотря на то, что эти люди жили в другой атмосфере и служили, быть может, другому классу, их жизнь, их неустанная работа, их трудолюбие должны быть для нас примером повседневного подражания.

Илья Чавчавадзе, столетний юбилей которого мы празднуем в этом году, должен быть примером для нас. Этот человек ежедневно, ежечасно боролся за освобождение своего народа. Он не чуждался газетной хроники, писал фельетоны, письма, изумительные статьи и рассказы.

У нас, у того поколения поэтов, которое заражено грибком богемщины, «чистой» поэзии, «самоцельной» лирики, не изжит страх перед тем, чтобы расширить свою тематику, чтобы от лирических стихов, от стихов революционных, политических, смело сделать шаг в сторону прозы, очер-

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 4 СТР.

IV пленум правления Союза советских писателей СССР

Окончание речи тов. П. Яшвили

ка, в сторону тех жанров литературы, которые так нужны нам и которые так нуждаются в художественном слове.

Два года тому назад правительство Грузии приняло постановление об юбилее Руставели. Это вселило огромную радость в сердце грузинского народа. У нас теперь открыт светлый путь к великим классикам прошлого. Вы знаете, что это линия Сталина, линия коммунистической партии. Наш народ готовится к тому, чтобы достойным образом отпраздновать юбилей этого гения. Ясно, в дореволюционной России и при таких условиях невозможно было иначе поставить вопрос об юбилее Руставели. Этот гений народа был зажимут меж грузинских гор, и никто не думал, что его классик мирового значения.

За последние 5—6 лет литература народов Закавказья, грузинская, армянская, тюркская не только стала знакома лучшим писателям, лучшим людям советской общественности, но она завоевала их любовь своим своеобразием, самобытностью. Этим мы по праву гордимся.

В этой связи я не могу не вспомнить о верном сыне большевистской партии, преданном ученике Сталина — т. Лаврентии Берия, который так много сделал для расцвета культуры национальностей Закавказья.

Во вчерашнем номере «Правды» сообщается о выходе сборника «Грузинские стихи и песни о Сталине». В этом сборнике участвует больше десятка грузинских поэтов. Там помещены песни народов Грузии о Ленине и Сталине. Мы радуемся и гордимся тем, что грузинские поэты попытались дать облик человека, который является надеждой всего передового человечества.

Ибо, когда мы хотим сказать: да здравствует Великая Октябрьская революция — мы говорим: да здравствует тов. Сталин! Когда мы говорим: да здравствует наш Великий Советский Союз, — это сильнее всего выражается в возгласе: да здравствует тов. Сталин! И когда мы говорим: да здравствует пролетариат, то это значит мы говорим: да здравствует победа ленинизма во всем мире! **(Продолж. аплодисменты).**

Дело чести

Речь тов. А. Александровича

— Двадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции для советских писателей — государственный экзамен. Наш пленум прекрасно выражает стремление писателей достойно встретить эту великую дату.

Каждый писатель считает для себя делом чести притти к двадцатой годовщине с новой полноценной работой.

Советская литература идет под знаком роста. Вместе со всеми отрядами литературы растет, мужает, зреет белорусская советская литература.

Мы подготовили книгу «Сталин в белорусской поэзии», альманах «Поэты Советского Союза». В 1937 году белорусский народ получит творения великого поэта Пушкина на белорусском языке.

Писатели Купала, Колас готовят новые поэтические произведения. Лыньков работает над романом о немецкой оккупации в Белоруссии, Головач—над романом о проблеме большого Днепра, Черный — над новой книгой о современной деревне и т. д. Упорно работают поэты Белоруссии. 1936 год показал особенно большой творческий рост, дал прекрасные результаты творческой коллективной работы.

Мы добились бы еще больших побед, если бы в рядах писателей Белоруссии не вел своей подрывной работы классовый враг. Гнусная работа врагов народа в Белоруссии, в частности на литературном фронте, против нашей партии, против нашей страны выразилась в том, что они сознательно оттирали лучшие силы от литературы, протаскивали свои подлые контрреволюционные троцкистские и националистические идеи, растрачивали миллионы рублей народных денег. В центральной партийной газете «Звезда» сидел троцкист Розенблюм. Он всячески старался, пользуясь политической слепотой и либеральностью руководителя, втереться в литературу, прикрывался революционной фразой, а у себя на квартире он приютил посланца Троцкого — Ольберга, расстрелянного, как враг народа.

В нашей среде, в союзе советских писателей БССР, была целая банда националистов, врагов народа, которые тесно переплелись с троцкистами, которые с первых дней пролетарской революции были врагами трудового народа.

Когда их разоблачали, но не докапывались до конца, до корней, эти люди внешне признавали свои ошибки, заявляли, что они не поняли классовой сущности нашей революции, и заверяли, что они будут работать честно и преданно.

После декларационных заявлений они превращались в «молчальников».

Сегодня совершенно ясно, что форма «молчания» — форма маскировки классового врага, что эти «молчальники» вели контрреволюционную подрывную работу. Сегодня совершенно точно установлено, что богема, пьянство — это также одна из форм работы фашизма по разложению наших рядов.

Назрело время в союзе советских писателей, во всех его отрядах во всех республиках пересмотреть ряды членов и кандидатов союза.

В борьбе за рост советской литературы мы должны помнить одно: этому нас учит партия, этому нас учит каждодневно, каждочасно товарищ Сталин — быть бдительными, но при этом быть чуткими, внимательными, не выплескивать вместе с водой и ребенка.

Если в наши ряды затесался враг, мы должны без либеральничания выбросить из наших рядов, разоблачить до конца, снять с него маску, показать его действительное вражье лицо. Мы обязаны разгромить литературные вылазки прихвостней Бухарина и других врагов народа.

Но если товарищ ошибается, мы должны подойти к нему, как к товарищу. Критикуя ошибки, мы должны бороться за него как за советского писателя.

Мы должны еще выше поднять авторитет писателя Страны советов, нашу боевую творческую готовность. **(Аплодисменты).**

Освоение пушкинского наследства

Речь тов. Наири Зарьяна

Народы Закавказья в лице своих передовых представителей высоко ценили творчество Пушкина, гениального родоначальника великой русской литературы, читали и переводили его произведения, полные любви к свободе и подлинного гуманизма.

Еще при жизни поэта был переведен на армянский язык профессором Эминым «Бахчисарайский фонтан».

В 1843 году вышла большая антология русской поэзии Амазасьяна, где наряду с переводами из Жуковского, Лермонтова, Баратынского и Гнедича были опубликованы переводы из произведений Пушкина.

Все эти переводы были сделаны на старославянском армянском языке «грабар», так как армянский разговорный литературный язык занял господствующее положение лишь через 90 лет после смерти Пушкина.

Пушкин принадлежит не только русскому народу, через Пушкина великая русская культура оказала благотворное влияние на культуры всех народов Советского Союза.

Лучшие представители армянской литературы XIX столетия находились под влиянием Пушкина. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Толстой, Глеб Успенский, Чехов, Горький, Маяковский — все эти корифеи великой русской литературы имели и имеют своих учеников среди мастеров армянской литературы. Все положительное, все демократическое и революционное в армянской литературе связано преимущественно с русской литературой.

Пушкина переводили Налбандян, Шахзаз, Агаян, Оганесян, Патуриан и Хенкоян. Но глубже всех понимал, любил Пушкина и лучше всех переводил его величайший армянский поэт Ованес Туманян. Туманян создал в армянской поэзии жанр настоящей поэмы, и это он сделал, по своему признанию, под влиянием Пушкина и Лермонтова. Туманян был блестяще знаком с поэзией Гомера, Шекспира, Данте, Гете, Гейне, Фирдоуси, Хайяма, Хафиза. Но больше всех он чувствовал и любил Пушкина.

К великому нашему сожалению, Туманян мало переводил Пушкина. Но его переводы стихотворений: «Зимний вечер», «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге» и ряд других остаются до сих пор непревзойденными в смысле адекватности перевода оригиналу.

Кроме Туманяна, нужно отметить еще прекрасный перевод Газароса Агаяна — «Сказка о золотой рыбке».

После победы Советов Армения возрожденный армянский народ с огромным интересом начал изучать и переводить произведения гениального поэта, поэзия, проза и драматургия русской земли. Пушкина начали переводить все видные писатели Армении. Переведены на армянский язык все его основные произведения: поэмы «Полтава», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Кавказский пленник», «Медный всадник», все его рассказы, сотни лирических произведений и т. д. Из прозаических произведений переведены «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум», «Дубровский» и ряд других повестей.

Переведены драматургические произведения Пушкина: «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери».

Мы имеем три перевода «Евгения Онегина», из них два сделаны после революции. Но эти переводы неудовлетворительны. В этом повинны армянские националисты во главе с изменником Ханджяном, которые всячески мешали освоению армянским народом великого пушкинского наследия. Лучшие поэтические силы были отстранены от переводов Пушкина.

Только после разоблачения националистов-троцкистов начался новый, настоящий под'ем в деле освоения творчества великого поэта. Все выдающиеся поэты стали переводить Пушкина. Ряд его поэм и лирических стихов перевели разные переводчики. Так, «Памятник» имеет около 10 переводов, «Деревня», «Вольность», «Анчар», «Чаадаеву», «Пророк», «Узник», «Русалка» и т. д.— по 3—4 перевода.

Я хочу сказать несколько слов об особенностях армянского перевода.

Нелегко переводить Пушкина. Его поэтические фразы отличаются алмазной крепостью и чистотой. Самые сложные человеческие чувства и мысли Пушкин выражает с предельной ясностью и сжатостью. Можно было сказать именно так и никак иначе. Это чувствуешь, читая строки Пушкина. Он всегда находит настоящее слово, а не соседнее.

Вот почему никакой перевод не может передать всей прелести пушкинского стиха. Каждый переводчик или приближается к Пушкину или приближает Пушкина к себе, в силу своего собственного таланта и способностей.

Все те переводы, которые я перечислил, изданы и издаются отдельными книжками. Уже находятся в производстве 4 больших тома произведений Пушкина. В армянской литературе имеется больше 534 переводов пушкинских произведений и статей о Пушкине, включая повторные переводы.

Юбилейные дни Пушкина в Армении превратились в великий праздник культуры, в радостную демонстрацию чувства любви и благодарности возрожденного армянского народа к своему великому другу и учителю — русскому народу. Лучшие поэты Армении посвятили стихи великому Пушкину. Упомяну, в частности, стихи поэтов Вштуни, Багуни, Шираза и др.

На заводах, фабриках, в колхозах, совхозах и красноармейских частях и школах прочитано около 200 докладов о творчестве и жизни великого поэта.

В скором времени в столице Армении на Пушкинской площади будет поставлен памятник великому поэту, гениальному сыну героического русского народа.

Пушкин принадлежит всему передовому человечеству. Армянский социалистический народ глубоко понимает свое право на наследство великого поэта. Пушкин—наш. Пушкин — еще не превзойденный образец совершенства всех поэтов великого Советского Союза. К Пушкину обращены взоры всех поэтов и народов. Армянский народ, вопреки своим заклятым врагам дашнакам, воздвигает Пушкину памятник и будет иметь этот памятник в своей столице и в своем сердце как символ великой сталинской дружбы народов. **(Аплодисменты).**

Борьба за подлинного Пушкина за рубежом

Речь тов. А. Аросева

— Товарищи, я хотел сказать только о том, как зарубежные народы отметили столетие со дня смерти нашего великого поэта.

Пушкин — первый из поэтов нашей страны, получивший широкую известность в Западной Европе и Америке.

Пушкин внимательно следил за развитием западноевропейской литературы. Особенно хорошо он знал литературу французскую и английскую. Именно это обстоятельство давало возможность Пушкину быть очень тонким и очень глубоким критиком, например, французского стихосложения. Если бы Пушкин не знал западноевропейской литературы, он не мог бы так метко охарактеризовать новых для его времени французских романтиков, о поэзии которых он писал, что она напоминает ему «гремушки и пеленки младенчества». Отчасти благодаря тесному контакту Пушкина с западноевропейской литературой творчество его стало доступным и понятным для зарубежных читателей.

Столетие со дня смерти поэта всколыхнуло все народы. Только фашистские страны не создали ко дню смерти Пушкина никаких комитетов, не организовали никаких вечеров и выступлений. Зато белые эмигранты приложили все старания, чтобы использовать дни Пушкина для нападок на нас и для высмеивания даже иностранных комитетов, организованных для проведения пушкинского юбилея.

Прежде всего и раньше всего, на столетие со дня смерти Пушкина отозвались американские негры. Они первые создали свой особый комитет и первые прислали нам программу проведения пушкинских дней. Большое внимание в этих празднованиях негры уделили вопросу о родословной Пушкина.

В США также был образован комитет для проведения пушкинских дней. В состав его вошли виднейшие американцы и эмигранты из Германии, в том числе — Альберт Эйнштейн.

Пушкинский комитет в Америке провел целый ряд выступлений, концертов и т. д. Заново был издан целый ряд пушкинских произведений. Появились работы о Пушкине. Так, например, профессор Гарвардского университета Симонс написал биографию Пушкина. Мы на-днях получили всю эту литературу.

В Англии пушкинские дни проводило английское общество культурного сближения с нами. Англичане превосходно издали том избранных сочинений Пушкина.

Пушкинские дни за рубежом имеют для нас значение не только политической демонстрации культурного сближения с нами. Мы вместе с тем являемся свидетелями нового этапа в борьбе за правильное понимание Пушкина за рубежом.

Целый ряд ученых выступил против фашиствующих мракобесов с их реакционной трактовкой творчества и жизни великого поэта. Шведская газета «Свенска прессен» помещает заметку о пушкинском юбилее, проникнутую ненавистью к Советскому Союзу и к Франции. Автор заметки пишет, что дуэль Пушкина была вызвана его «личной ссорой» с Дантесом. «Пушкин, — написано в заметке, — был заколот на дуэли молодым французским дворянином Дантесом, который получил благодаря этому бессмертное имя в истории русской литературы». **(Смех).** Против этой безграмотной, лживой и наглой вылазки выступил Георг Фразер, который пишет, что «Пушкин имел могущественного врага — графа Бенкендорфа, которому как раз было поручено расстроить дуэль, но который, как будто по ошибке, позволил направить полицию не к тому месту, и дуэль таким образом состоялась» и т. д. Таким образом Фразер прямо указывает, что дуэль Пушкина, это—убийство. К сожалению, Фразер оставляет без внимания чудовищные нелепости заметки в «Свенска прессен».

Борьба за подлинного Пушкина развивается и на страницах французских газет. Однако некоторые даже буржуазные и реакционно настроенные журналисты и писатели, как например бельгиец Шарль Вернар, вынуждены признать, что Пушкин, будучи очень близок к декабристам, «в сущности говоря, является родоначальником тех элементов, которые привели Россию к разрушению». На нашем языке это означает, что Пушкин является родоначальником нашего революционного поколения, которое, разрушив и победив капитализм, построило в нашей стране социализм.

Эта борьба— борьба двух идеологий — пронизывает почти всю газетную, а отчасти и фундаментальную литературу, касающуюся Пушкина.

В некоторых своих проявлениях она носит иногда смехотворный характер. В одном государстве, имени которого я называть не буду, состоялись пушкинские торжества. Был вечер, доклад и пр.

В этот же самый день и в тот же самый час представитель другой державы в этой стране, имени которого я также называть не буду, преподнес образцы литературы своей страны университету и по этому случаю устроил торжественный вечер с явной целью сорвать пушкинские торжества.

Эти факты показывают, что празднование пушкинского юбилея и самое имя Пушкина глубоко задевают и поднимают классовые пласты, толкают их на борьбу.

В соседней с нами стране, в Эстонии, один эстонский профессор с чувством некоторой неловкости пишет, что, по его предположениям, Пушкин, вероятно, не особенно любил «нашу страну», т. е. Эстонию, потому что отсюда (т. е. из Эстонии) происходил злейший враг поэта — шеф жандармов Бенкендорф. **(Смех).** Наша страна, пишет он, мало знала Пушкина, но с тех пор как Эстония стала самостоятельной, интерес к Пушкину возрос до грандиозных размеров.

В этой классовой борьбе за подлинного Пушкина все большую и большую победу одерживает наша точка зрения. Это принуждены признать даже те, кто далеко не является нашими друзьями.

В Праге была пушкинская выставка, созданная белоэмигрантами несколько лет тому назад, совершенно искажающая облик поэта. Доктор Вольф — директор национального музея в Праге — сказал, что благодаря экспонатам, присланным из Советского Союза, новая пушкинская выставка показывает Пушкина таким, каким его знает Советский Союз, каким он был на самом деле.

Победе нашей точки зрения способствует то обстоятельство, что во многих странах сейчас переиздают Пушкина и снабжают эти издания комментариями по нашим источникам.

Большинство статей о Пушкине, издающихся за рубежом, свои выводы строит на основе советского пушкиноведения.

Есть страны, в которых Пушкин сейчас появляется впервые, например, Афганистан.

Иран, который до сих пор Пушкина знал очень мало, сейчас широко переводит прозу и стихи Пушкина. И в Иране и в Афганистане были проведены торжественные вечера, посвященные памяти поэта.

Переводам Пушкина большое внимание уделено в Турции. В Турции выходят четыре фундаментальные работы о Пушкине. Одна из них — это работа Мунар Хайри «Пушкин как драматург и влияние его творчества на развитие русского театра».

Тема, как видите, очень интересная и даже у нас не очень разработанная.

Турецкий писатель Казим Наби-Дуру написал «Пушкин как родоначальник русской литературы».

Хасан Али Юхим подготовил работу «Пушкин — мировой гений».

Биографию Пушкина написал турецкий публицист Мустафа Нихат. Все эти работы опираются на наши советские источники.

В Польше, Латвии, Литве и Финляндии мы имеем обширную литературу о Пушкине.

В Латвии и Литве состоялись пушкинские спектакли. В Эстонии торжественное чествование памяти поэта происходило в университетском городке Тарту, который является интеллектуальным центром страны.

Только в Румынии пушкинский юбилей получил слабое отражение в литературе, но и там был создан пушкинский комитет, и проводились пушкинские собрания и заседания.

Наиболее широкий размах пушкинский юбилей получил во Франции и Чехословакии. Во Франции состоялось торжественное собрание в Сорбонне. В Пушкинский комитет вошли официальные лица.

От участия в праздновании пушкинского юбилея белые эмигранты были повсюду отстранены.

Большие празднества были организованы Лионским университетом и Обществом культурной связи с нами в Бордо.

В Чехословакии пушкинские дни были отмечены даже в маленьких городах — Кошицы, Брно, Братислава и др.

Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей получен богатейший материал в связи с пушкинским юбилеем—фундаментальные труды о Пушкине, исключительно интересно и роскошно оформленные издания. Со всем этим ВОКС познакомит советских читателей.

Я вношу пленуму Правления ССП предложение о том, чтобы войти с ходатайством во Всесоюзный пушкинский комитет об организации при Всесоюзной пушкинской выставке специального отдела, где была бы представлена вся литература, связанная с проведением 100-летнего юбилея Пушкина за рубежом. **(Аплодисменты).**

Н. ПЛИСКО

О политической поэзии

Революционная поэзия всегда была поэзией непосредственно политической. В моменты открытой вооруженной борьбы классов, когда обнажаются противоречия общественной жизни, поэзия борющихся классов пронизывается политическими мотивами.

Бывают периоды в жизни поэзии, когда она безраздельно устремляется в газеты, окрашиваясь политическими мотивами. Это периоды открытой борьбы классов. В годы империалистической войны и особенно в период от Февраля до Великой социалистической пролетарской революции буржуазная поэзия устремляется в газеты. С надзвездных высей, от беспредметной лирики буржуазная поэзия спускается на грешную политическую землю.

Поэзии пролетариата не нужно было перестраиваться, она рождалась и формировалась, приобретала мастерство в политической газете. Революционный народ через газету создавал своих певцов, выражающих его интересы, надежды, мысли и мечтания. В том, что поэзия пролетариата вырастала в газете, ничего удивительного нет. Во-первых, издательства находились в руках буржуазии, где пролетарские поэты, естественно, не могли издавать своих стихов; во-вторых, пролетарская поэзия наследовала героические традиции классической русской литературы.

Гражданская лирика, политические стихи во время революционной борьбы распространялись по тем же каналам, что и политические лозунги, прокламации, листовки. Пушкин ходил в списках среди революционно настроенного офицерства, стихи Лермонтова «На смерть Пушкина» обошли в рукописях всю Россию, политические стихи Некрасова формировали сознание революционных демократов и играли такую же роль, как статьи Добролюбова, Чернышевского, а подчас еще более значительную.

Стихи пролетарских поэтов в годы гражданской войны выполняли непосредственно агитационную роль, поднимали на борьбу огромнейшие массы ранее угнетенного и эксплоатируемого народа.

Именно поэтому листовки со стихами Демьяна Бедного, его плакаты, как и «Окна Роста» Маяковского, привлекали огромнейшее внимание красноармейцев, трудовых масс, заражая их энтузиазмом невиданной в истории освободительной борьбы.

Эти агитационно-пропагандистские политические стихи формировали сознание, мысли и чувства восставшего на своих угнетателей народа, интересы которого решались каждодневно в кровавой вооруженной борьбе и часто зависели от того, насколько и в какой мере на данном участке удастся разбить белогвардейцев.

Советская поэзия эпохи сталинских пятилеток заключает в себе все черты поэзии эпохи героических лет гражданской войны. Не случаен триумфальный успех таких произведений искусства, как кинокартина «Чапаев» братьев Васильевых. Не случайно стихи поэтов-орденоносцев братских республик пользуются всенародным признанием и любовью. А ведь это стихи, выражающие непосредственно отношение к явлениям политической жизни. Старейший акын казахских степей Джамбул Джабаев в изумительных по силе выразительности стихах поэтизирует мысли и чувства миллионов людей Советской страны.

Маленький след дорогу рождает.
Море из родника вырастает.
Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.
От жизни счастливой рождаются дети—
Самое радостное на свете.
За ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней
Звени же, домра, по колхозным аулам.

Слушайте, степи, акына Джамбула!
Слушайте, Кастек, Каскелен, Каракон.
Я славлю великий советский закон,
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.

Сталинская Конституция, горячая любовь масс к вождю народов товарищу Сталину, радость счастливой жизни народов Советского Союза находят свое выражение в творчестве Сулеймана Стальского, Лахути, Павле Яшвили Наири Зарьяна, Самед Вургуна, Галактиона Табидзе и т. д.

Стихи и песни Безыменского, Суркова, Виктора Гусева, Голодного, Лебедева-Кумача нашли самый широкий отклик в сердцах миллионов трудящихся Советской страны. Советская политическая поэзия растет, крепнет ее мастерство, она готовится вместе со всей страной к грядущим боям.

Когда реставратор капитализма Бухарин на первом с'езде советских писателей провозгласил, что время агиток Маяковского прошло, то он тем самым пытался разоружить и дезорганизовать политическую поэзию Советского Союза. Когда Бухарин провозглашал путь Пастернака как единственно правильный путь советской поэзии, то он тем самым намеревался увести советскую поэзию на задворки беспредметной лирики.

Вся эстетская критика поддерживала и развивала эту реставраторскую поэтическую концепцию Бухарина.

Мустангова — троцкиста — ориентировала советскую поэзию наследовать декаданс, троцкист Селивановский критиковал Маяковского за его политические стихи и призывал советских поэтов равняться на Сельвинского.

Обрывки реставраторских взглядов нашли свое отражение в утверждениях, что Пастернак наследует пушкинскую линию, что он является лучшим лириком Советской страны, поэтом миллионов, в высказываниях А. Тарасенкова. Степанов — ленинградский критик — отвергал Маяковского и призывал советских поэтов учиться у Гумилева. Мирский отвергал значение политической поэзии.

Уже на 1-м всесоюзном с'езде был дан реставраторским тенденциям Бухарина сокрушительный отпор, но эстетские воззрения живучи, они питаются идеологией остатков разгромленных и уничтоженных эксплоататорских классов в нашей стране.

В последнее время в секции московских поэтов происходили оживленные дискуссии о задачах политической поэзии.

Непосредственным поводом к дискуссии явилась статья Эренбурга, опубликованная в «Известиях», резко критикующая стихи советских поэтов, посвященные испанским событиям. Зерно истины, если отбросить излишне резкий и раздраженный тон статьи, несомненно было заключено в критике Эренбурга.

Достаточно припомнить здесь некоторые, поистине безобразные строфы стихов, посвященных Испании:

Рана скрипнула, как рама,
Кровь забила из нее.
— Гвадаррама, Гвадаррама...
Дайте, дайте мне ружье.

Или:

Я б хотел с тобою вместе
Всем громам наперерез
У пылающих предместий
Встретить полночь, Долорес,—

чтобы убедиться в справедливости критических замечаний Эренбурга.

Московские поэты посвятили несколько собраний обсуждению сборника стихов, посвященных Испании, и специальной дискуссии о задачах политической поэзии.

Некоторые поэты, критикуя неудачные политические стихи, доходили до утверждения, что у нас политической поэзии нет.

Это вредный и никому ненужный загиб.

Мы уже выше говорили о поэзии поэтов-орденоносцев, представителей братских республик, о политических стихах и песнях группы русских поэтов.

Нечего доказывать, что стихи Маяковского, Демьяна Бедного полны жизни и силы, что они сугубо действенны, и сила влияния их огромна.

Но, борясь за политическую поэзию, некоторые поэты и критики считают, что, критикуя политические стихи, мы тем самым оскорбляем гражданские и политические чувства автора. Это — вредная чепуха. К политическим стихам необходимо относиться с такой же, если еще не с большей, строгостью, как и ко всяким иным стихам.

Опыт классической гражданской поэзии нас этому учит.

Только что закончившиеся пушкинские торжества и пушкинский пленум союза советских писателей во весь рост показали гигантскую работу Пушкина над своими — в том числе и политическими — стихами. Наконец, что далеко ходить за примером. Мы, современники лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи — Маяковского, можем гордиться его политическими стихами, его публицистической гражданской лирикой. Ведь подавляющее большинство его политических и публицистических стихов и сегодня волнуют читателя огромной силой страсти, как будут они волновать его и завтра. Достаточно здесь напомнить такие стихи, как «Советский паспорт», «Теодору Нетте», или его посвящение Красной армии, громоподобные, разящие сатирической силой врагов Советского Союза разоблачительные стихи Маяковского. К каждой строке стихотворения, к каждому слову, предназначенному для газеты, Маяковский относился с чувством величайшей ответственности, переделывая по многу раз газетные стихи. Бывали случаи, когда он звонил ночью в редакцию с просьбой изменить слово в стихотворении, уже поставленном в полосу.

Что нужно для того, чтобы советский поэт выражал на высоком идейном и художественном уровне гражданские, политические мысли и чувства миллионов трудящихся нашей страны? Необходимо, чтобы он жил активной политической жизнью героического человека наших дней; необходимо, чтобы он стоял на высоте тех политических воззрений, на которых стоят самые передовые люди авангарда рабочего класса. Можем ли мы сказать, что на этом уровне стоят наши поэты. К сожалению, нет! В идейно-политическом отношении в большинстве своем они отстают от передовых задач современности.

Необходимо, чтобы еще до звонка редактора газеты, заказывающего поэту тему политического стихотворения, поэт мог ответить, что такое стихотворение у него уже готово. Так большей частью отвечал Маяковский редакторам, звонившим ему о стихах.

Второе, не менее важное, требование, которое мы можем и должны пред'явить поэтам, — это необходимость органичности темы политического стихотворения. Иными словами, каждое новое политическое стихотворение должно являться шагом вперед в познании поэтом мира.

Такой была, несмотря на разнообразие жанров, видов и форм, поэзия Маяковского. Она вся была проникнута единой, всю жизнь осмысливаемой Маяковским темой, и это была тема: социализм и человек.

И, наконец, третье важное требование, которое мы пред'являем политической поэзии, — высокое мастерство поэтической выраженности, поэтической отделки. У редакторов, да и у кое-какой части поэтов еще принято рассматривать политическое стихотворение как однодневку, на которую не стоит тратить труда. Одни поэты готовы положить много труда на отделку стихотворения, но им не позволяет время: стихи необходимо сдать к такому-то часу в редакцию газеты, у других нехватает культуры газетно-политического поэтического труда. Здесь необходима большая и политическая и поэтическая культура. Здесь, по выражению Маяковского, следует уметь мастерски строгать рифмы, работать над стихом.

Следовательно, поэты и поэтическая критика должны самым пристальным образом вглядываться в газетную работу поэта. Ведь до сих пор не было ни одной статьи, посвященной разбору стихов, напечатанных в наших центральных газетах. Это тем более необходимо, что перед политической поэзией стоят грандиозные задачи.

Тучи войны сгущаются над миром. Мы знаем, что не сегодня-завтра на нас могут напасть озверелые хищники фашизма.

В этой борьбе советская политическая поэзия призвана сыграть далеко не последнюю роль.

Мы знаем, какую роль играют сейчас стихи испанских революционных поэтов в борьбе испанского народа за свое освобождение. Боевые политические стихи Пля-и-Бельтрана и Альберти хорошо знают в шеренгах бойцов народной армии.

Рифмованный лозунг, агитационный плакат со стихотворной подписью, призывно-пафосные стихи, ведущие на бой, сатира, направляющая острие своих смертельных жал против врага, политические стихи, выражающие мысли и чувства масс, столкнувшихся в последней схватке с кровным врагом коммунизма — с фашизмом, — все это должна сделать поэзия. Эти стихи придется писать не в переделкинской даче или в Лаврушинском переулке. Под грохот дальнобойных орудий, в шуме перестрелки будут рождаться написанные кровью борьбы стихи. Готовы ли к этой работе советские поэты? Не все! И мы должны добиться того, чтобы каждый из поэтов на этот вопрос мог ответить словами старейшего ашуга, народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского:

Мы все готовы, как один,
Как в пору грозовых годин,
С тобой встречать огонь и дым,
Красная
армия!
То будет дым последних войн,
Всех палачей сожжет огонь,
Тобой оседлан славы конь,
Красная
армия!
Твоим победам счету нет,
Твоей отваге—меры нет,
Тобой гордится этот свет,
Красная
армия!

Социалистическая революция открыла массам Пушкина

Выступления на IV пленуме ССП представителей братских литератур по докладам о творчестве Пушкина

Представители братских литератур принесли на 4-й пушкинский пленум ССП не только свои чувства любви к великому русскому поэту, не только свои соображения о значении Пушкина для развития национальной культуры советских народов, но и точные данные о той конкретной работе, которая проведена ими для пропаганды пушкинского наследия.

Гапаев (Северная Осетия).

— На осетинский язык переведены «Медный всадник», «Цыганы», «Каменный гость», «Русалка», «Дубровский», «Повести Белкина» и т. д. Осетинский государственный театр подготовил к юбилею постановку «Каменного гостя». Кроме того, организована выставка картин и скульптур на пушкинские темы.

Шабдар (Марийская область).

— Процесс работы над переводами Пушкина явился для нас большой школой. В марийской поэзии были весьма распространены канонизированные поэтами старших поколений 7—8-сложные силлабические стихи. Считалось, что тонический размер, тем более ямб, у нас неприменим. Работа над Пушкиным помогла нам чрезвычайно. Ямб, над которым кое-кто непрочь поиронизировать, для нас большое достижение, он обогатил нашу поэзию новыми возможностями.

Факти Бурнаш (Татария).

— Мы начали работу над Пушкиным всерьез. Мы достигли очень многого, но еще больше работы — впереди. Массы с большим интересом осваивают творческое наследие гениального русского поэта. Мы этого достигли благодаря победе ленинско-сталинской национальной политики. Мы этого достигли в ожесточенной борьбе с остатками националистического, эсеро-троцкистского охвостья, которые нам мешали. Они, например, внушали нам мысль, что переводить «Евгения Онегина» не надо, так как это «далекая эпоха», так как в ней изображается «далекий от татарской массы уголок дворянского общества». Мы разоблачали этих негодяев и будем их бить и в дальнейшем, если они попытаются мешать нашей работе.

Бронштейн (БССР).

— Молодое поколение писателей советской Белоруссии опиралось на опыт Пушкина, когда противопоставляло свое понимание народности националистическому пониманию, сводившему проблемы народности к сивухе и лаптям. Писатели советской Белоруссии опирались на опыт Пушкина, когда вели ожесточенную борьбу за язык народа — против нарочитого архаизирования языка, против контрреволюционной полонизации.

Таш-Назаров (Туркмения).

— Качество наших переводов, быть может, не очень высокое, ибо наши писатели впервые начали работать над Пушкиным. Тут, с одной стороны, имеются отклонения от пушкинской формы ради сохранения содержания, ибо пушкинская форма непривычна для нашей поэзии. С другой стороны, имеются и отклонения от содержания ради формы. Тем не менее переводы Пушкина на туркменский язык — ценнейший вклад в нашу литературу. Мы учимся у Пушкина, мы, благодаря ему, еще энергичнее обратились к творчеству народа,— без этого немыслимо переводить Пушкина ни на один из языков.

Чичинадзе (Грузия).

— Я взялся за перевод Пушкина с большим страхом, хотя и не без подготовки. До этого я перевел на грузинский язык «Ад» Данте, «Песнь о Нибелунгах» — все 20 тысяч строк, «Манфред» и «Каин» Байрона и другие великие произведения мировой литературы.

Но работа над Пушкиным, говорю совершенно чистосердечно, без всяких юбилейных фраз, была для меня самой радостной, пламенной и вдохновенной из всех моих переводческих работ.

Д. Гофштейн (еврейский поэт).

— Велика гордость всех поработавших над Пушкиным, приблизивших Пушкина к родной литературе и культуре.

Все наши цеховые, формально-ремесленные размышления и амбиции меркнут перед сияющим образом того человека, который мог сказать о себе, что он — друг человечества. Но надо заслужить право считать себя другом человечества, быть в одной семье с Пушкиным.

Токомбаев (Киргизская республика).

— До настоящего времени киргизская художественная литература выходила тиражом в 3 тысячи экземпляров. Тиражи пушкинских произведений достигают 40 тысяч. Это ли не показывает, что Пушкин стал действительно самым любимым поэтом нашей республики?

К столетию смерти великого поэта мы организовали специальную пушкинскую выставку, по общим отзывам, чрезвычайно интересную. Группа художников, посланных нами в село Михайловское, зарисовала для выставки десятки пейзажей, дающих яркое представление о месте, с которым связан большой этап пушкинской жизни.

Чанба (Абхазия).

— Абхазский народ, сто с лишним лет находившийся под ярмом царизма, сегодня на своем родном языке читает произведения гениального поэта славного русского народа. Трудящиеся Абхазии в совхозах и колхозах, на предприятиях и в школах устраивали вечера, посвященные памяти Пушкина. Президиум ЦИК Абхазии постановил в ознаменование юбилея установить три стипендии имени Пушкина в Педагогическом институте им. Лакоба в г. Сухуми.

Жароков (Казахстан).

— Сколько бы мы ни читали такого великого поэта, каким является Пушкин, все-таки каждый раз мы можем найти в его произведениях новое, вдохновляющее, трогающее человеческое чувство, глубокие мысли, пластичность, музыкальную выразительность. Мы каждый раз поражаемся высокому полету его поэтической фантазии, простоте выражения мысли.

Казалось бы, что трудно, почти невозможно перевести произведения такого гиганта на язык отсталого при царизме народа. Но трудности нами преодолеваются. Воспитанные советской школой, получившие большевистскую закалку, поэты и писатели казахского народа сумели дать доброкачественные переводы основных произведений Пушкина. Особенно следует выделить работу тов. Джансугурова, давшего замечательный перевод «Евгения Онегина».

Айбек (Узбекистан).

— Только после Великой Октябрьской революции трудящиеся Узбекистана впервые получили возможность осваивать лучшие творения западной и русской литературы. Впервые на нашем языке зазвучали Шекспир, Шиллер, Гете, Толстой и другие классики мировой литературы. Узбекские массы читают и перечитывают на своем родном языке ставшие родными произведения советских писателей Маяковского, Шолохова, Фадеева, Серафимовича и др.

Но первое место среди переводов с русского языка занимает творчество гениальнейшего основоположника русской литературы — Пушкина.

Багай (Удмуртия).

— Мы начали переводить Пушкина только в 1936 году. Перевели «Капитанскую дочку», «Дубровского», «Повести Белкина», сказки, несколько лирических стихотворений. Наш Совнарком в юбилейные дни учредил пушкинскую ежегодную премию за лучшее художественное произведение. Эта премия будет ежегодно присуждаться в день смерти Пушкина — 10 февраля.

Хочется от всего сердца сказать: спасибо гениям Ленина и Сталина, породнившим нас с гением Пушкина!

Виртанен (Карелия).

— Есть такое мнение, что маленькие драмы Пушкина не сценичны. Однако в нашем театре поставили «Каменного гостя» и «Скупого рыцаря». Около месяца идут эти пьесы, и в театре всегда много публики. Это говорит о том, что если правильно ставить пушкинские драмы, они всегда найдут путь к сердцу зрителя.

Переводя Пушкина, мы старались держать упор не на количество, а на качество. До сих пор мы успели выпустить две книги: в одной пять поэм и около 60 избранных стихотворений Пушкина, в другой — его избранная проза. Сейчас группа товарищей работает над переводами сказок и «Евгения Онегина».

Политическая слепота

Уже не раз и не два редакция журнала «Новый мир» вызывает негодование советской общественности своей политической слепотой.

Гнилой либерализм редакции привел к тому, что в журнале неоднократно печатались враги народа, буржуазные реставраторы и просто литературные бездарности. Контрреволюционным измышлениям, всяческой пошлости и вульгарности «Новый мир» гостеприимно предоставил многие и многие свои страницы. Единичные произведения крупных советских писателей Л. Леонова, А. Толстого и некоторых других в «Новом мире» оказались в тяжком соседстве.

В конце второй пятилетки перед толстым журналом, пользовавшимся когда-то большой популярностью среди читателей, — стояли большие ответственные задачи.

Однако редактор «Нового мира» И. Гронский предоставил возможность И. Макарову, П. Васильеву, Н. Зарудину, В. Пильняку и другим оклеветать нашу деревню, социалистическое строительство и нового человека. В повести «В народном лесу» Зарудин враждебно показал жизнь советской деревни, представив ее дикой, страшной, темной, с продажными «коммунистами», со злобной, тупой и покорной массой крестьян. Неприкрыто реакционная повесть Зарудина, написанная по рецептам Воронского, выдержана в тонах жалкого эпигонства третьесортной буржуазной беллетристики.

Ничто здесь не смутило редакцию «Нового мира», безмятежно готовившую в это же время к печати другой «подарок» читателю, таивший в себе еще более зловредный троцкистский поклеп на нашу жизнь.

«Осветив» положение в советской деревне с помощью Зарудина, редакция «Нового мира» решила показать своему читателю одно из крупнейших наших строительств пером врага народа И. Макарова. И здесь та же картина. И «коммунисты» блаженненькие, и народ тупой, злобный, и трибуна предоставлена для махровой троцкистской клеветы.

Не случайно И. Макаров рабски использовал «бесовские» интонации Достоевского для своего подпольного мира. Контрреволюционные проповеди, истерика ненависти переплетаются у него с кривлянием, паясничаньем на манер Петра Верховенского из «Бесов».

«Вы (большевики) Россию точно Раскольников старуху-ростовщицу хотите угробить, да ее капиталами посвоему распорядиться», — нагло заявляет один из персонажей Макарова, а Макаров добавляет: «Все улыбнулись тогда». «Все» — это партийное руководство строительства.

Надо думать, что и редакция «Нового мира» улыбалась, читая рукопись Ивана Макарова. А редактору журнала И. Гронскому надлежало быть более бдительным, нежели персонажам повести — «комсомольцу» Мише Курбатову и его отцу, начальнику строительства, которых Макаров изобразил, как дурачков.

Напрасно И. Гронский уверял аудиторию в своем выступлении на четвертом пленуме ССП, что трудно ему, бедному, было разглядеть подлинный лик врага Макарова и других контрреволюционеров. Элементарно бдительный редактор без труда мог бы распознать троцкистскую контрреволюцию, нагло проступавшую со страниц повести Макарова.

Широко известно, что «Новый мир» давно пригревал фашиствующего бандита П. Васильева. В последние месяцы 1936 г. чуть ли не в каждом номере «Нового мира» мы с отвращением наталкивались на имя этого кулацкого выродка, которого перманентно «перевоспитывал» И. Гронский. Неудивительно, что именно здесь подвизался предатель-террорист Пикель. Старожил «Нового мира» Борис Пильняк, заметное тяготение которого к троцкистам общеизвестно, в свое время опубликовал в журнале троцкистскую «Повесть о непогашенной луне». Покровительствуемый журналом, Пильняк до сих пор поставляет ему беззастенчиво-халтурные произведения, вроде «Мяса».

Наряду с контрреволюционными пасквилями в журнале находит место обывательщина, пошлятина вроде романа «Жар-птица» И. Евдокимова, которому «Новый мир» предоставил возможность поиздеваться над жизнью рабочих под видом описания дореволюционного прошлого. Скотские отношения все той же знакомой уже нам по страницам журнала «тупой массы» на этот раз одобрены откровенной порнографией. Об этом в свое время мы уже писали в «Литературной газете».

Уже из приведенных примеров совершенно ясно, что «сочинения», напечатанные в «Новом мире», это — не отдельные неудачи, а система ошибок, характеризующая весьма тревожное положение в редакции этого журнала.

Цепь его ошибок тянется издавна. «Правда» в свое время писала о политических искажениях, допущенных Р. Азарх в ее «Пятой армии» (напечатанной в 1935 г.), которые также проглядел редактор И. Гронский. Не так давно в «Правде» и в «Лит. газете» была дана отрицательная оценка роману «Сын» В. Лидина, вульгаризировавшему отношение интеллигенции к революции и образ нового человека. Тогда же, со всей резкостью «Литературная газета» писала о пресловутом «Созревании плодов» В. Пильняка.

Как видим, и в 1935 г. картина в «Новом мире» была весьма неприглядна. Политическое неблагополучие, полный провал в работе редакции с писателями ясен был уже и тогда.

Казалось бы, весь печальный опыт 1935 года должен был заставить И. Гронского глубоко задуматься над судьбой журнала и выправить его литературно-политическую линию. Однако ошибки 1935 года в 1936 году углубились. В журнале появляются уже явно реакционные и троцкистские вещи, прикрытые то сусальным эпилогом (Зарудин—«В народном лесу»), то декламационными — для отвода глаз — речами «большевиков» (Макаров — «Миша Курбатов»), то подлым двурушничеством (П. Васильев) и т. д.

*

Какова же была критика за прошлый год в «Новом мире»? Печальную известность получила статья П. Рожкова, нечленораздельно громившего всех и вся, призывавшего к сугубой бдительности и не замечавшего того, что делается на его глазах. Самокритика далека была от редакции «Нового мира».

На страницах журнала не появлялись обличительные статьи ни о П. Васильеве, ни о Зарудине, ни о Пильняке, ни о Евдокимове, ни о других авторах, требовавших решительной критики.

Нашелся только Г. Федосеев, который в пустом романе Лидина «Сын» увидел «интересную и знаменательную попытку поставить проблему художественной интеллигенции в советской действительности».

Стиль этой косноязычной статьи, давно высмеянный Ильфом и Петровым, характерен для большинства статей и рецензий о современной советской литературе, напечатанных в «Новом мире». Совершенно в этом духе, например, «рассуждение» В. Красильникова «О творчестве Рахилло».

Бдительность рецензентов «Нового мира» проявляется весьма неожиданно.

Вот, например, А. Палей в рецензии на хорошую повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий» очень возмущается тем, что парус-то, оказывается, «белеет на шаланде, увозящей матроса, члена подпольного комитета, сознательного революционера...» «Неужели писатель хочет сказать, — восклицает Палей, — что революционерами руководило некое стихийное чувство людей, пресыщенных покоем, безотчетное душевное беспокойство?» Самого Палея в такое беспокойство привело стихотворение Лермонтова «Парус», проходящее лейтмотивом в романе Катаева.

*

Вышел первый номер «Нового мира» за 1937 год. Он уже успел прославиться «Челюскинианой» И. Сельвинского, отличающейся навязчивым ячеством и самомнением. Редакции «Нового мира» следовало бы внимательнейшим образом поработать над произведением Сельвинского, устранив путем тщательной редактуры режущие ухо советского читателя места о задачах поэзии, о значении Пушкина и т. д.

Первый номер «Нового мира» не дает никаких оснований предполагать, что в текущем году в работе редакции наступило улучшение.

Провалы редакции слишком очевидны, судьба журнала не может не беспокоить советского читателя, который требует полноценной литературы и более не потерпит засилья бездарных сочинителей и потока недоработанных рукописей, заполняющих страницы «Нового мира».

А. КРЕТОВ

«За песни дают ордена»

27 февраля под председательством тов. Г. И. Петровского состоялось заседание президиума ЦИК Союза ССР, на котором были вручены грамоты и ордена знатным людям Советской страны. Высокую награду получили около ста пятидесяти человек. Орден Трудового Красного знамени был вручен в числе других и члену ССП СССР поэту В. И. Лебедеву-Кумачу. Растроганный высокой наградой, поэт обратился к президиуму ЦИК со стихотворной речью:

Да здравствует наша большая страна,
Где общее счастье куется,
Где всюду забота о людях видна,
Страна, где за песни дают ордена,
И каждому вольно поется!

И если враги нам навяжут войну —
Все песни в атаку мы бросим,
И станем сурово в шеренгу одну,
И сердце свое отдадим за страну,
Чей орден на сердце мы носим!

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

Из стихов о Пушкине

Нет, весь я не умру.

В оловянном взгляде Николая,
В смехе-ли Дантеса запалня...
Друг-ли укоряет, неюут лает, —
Жизнь плывет, несется день от дня.

На балу жеманница мадонна,
Как метель безумна и легка,
А вокруг страна вздыхает сонно.
И такая на сердце тоска!

Где там счастье! Только воля близко —
Хата, да песчаный косогор.
Дальше от жандармов и от сыска,
Сбросить камер-юнкерский позор!

Перед полкой милых книг в сафьяне
Вспоминать лицейские года,
Слушать бормотанье старой няни, —
Или не придется никогда?

Никогда — ни дружбы, ни влюбленья...
Ссылка, порыванье в даль, и сны —
Неужели это лишь томленье,
Только тень несбывшейся весны?

Нет! Рука не дрогнет, не устала
Прикасаться к верному перу
В смертный час, когда пора настала
Твердо знал он: весь я не умру.

Перевел с украинского **П. АНТОКОЛЬСКИЙ**

А. Г. Кореванова

На 68-м году жизни в Свердловске скончалась Агриппина Гавриловна Кореванова, автор замечательной книги «Моя жизнь».

Максим Горький, этот величайший писатель пролетариата, эпиграфом к предисловию, которое он написал к книге Агриппины Коревановой, взял грустные строки Некрасова:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля —
С рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться.
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Действительно, жизнь уральской работницы Агриппины Коревановой до Октябрьской революции — это темная пропасть бесправия, это страшная доля, на которую были осуждены миллионы дочерей и жен рабочих.

Агриппина Гавриловна была одной из тех стойких натур, которые сумели пронести через страшные условия рабского существования, сквозь вечную нужду и непосильный труд яркую мечту об иной, прекрасной жизни. Эта мечта сбылась, когда Коревановой было за 50 лет.

Красная армия освобождает Урал от колчаковских банд. Агриппина Гавриловна вступает в партию. В 65 лет она впервые берется за перо, чтобы рассказать о своей жизни. Она пишет книгу потрясающей правды, книгу простых и безыскусственных рассказов, по которым наша молодежь восстановит картину страшной жизни, неизвестной ровесникам Октября.

Первый всесоюзный с'езд писателей избрал Кореванову членом центральной ревизионной комиссии ССП.

Смерть лишила нас прекрасного товарища. От нас ушел человек большого сердца, до конца сохранивший материнскую любовь к товарищам, к великой нашей родине и молодую ненависть к врагам, к равнодушию и равнодушным.

ПРАВЛЕНИЕ ССП И РЕВКОМИССИЯ

*

«Девушки Советского Союза, — писал А. М. Горький в предисловии к книге А. Г. Коревановой «Моя жизнь», — только тогда поймут, почувствуют все величие работ партии Ленина, когда они познакомятся с каторжным прошлым их матерей и бабушек. Немые до Октябрьской революции женщины — крестьянки и работницы начинают сами, своими словами рассказывать о прошлом. Они пишут книги, и эти книги имеют значение исторических документов. Именно таковы книги Елены Новиковой, Галины Грековой, Агриппины Коревановой. Это автобиографии, написанные для того, чтобы молодежь знала, как до Октябрьской Пролетарской революции жили «люди, обреченные на гибель», — именно такими словами определила А. Кореванова судьбу ее поколения».

Агриппине Коревановой посчастливилось дожить до радостной социалистической эпохи, давшей светлую жизнь трудовому народу, окончательно освободившей женщину.

Ей посчастливилось видеть широкий, солнечный путь, который открыт большевистской партией перед советской женщиной сталинской эпохи.

Своей книгой Агриппина Кореванова долгие годы будет учить нашу молодежь еще сильнее ненавидеть капиталистический мир рабства, еще крепче любить нашу освобожденную социалистическую родину, давшую радостную свободную жизнь всему трудовому народу.

КОЛЛЕКТИВ СОТРУДНИКОВ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ»

Ю. ЮЗОВСКИЙ

«ДЕПУТАТ БАЛТИКИ»

Кадр из фильма «Депутат Балтики»

1

Мокро, мокро. Мокрое небо, мокрые стены, мокрые окна, мокрые пальто прохожих, с мокрой фуражки вот упадет капля, и вы невольно поеживаетесь, словно она сейчас упадет вам за воротник. Дождь, дождь. Отсыревшие улицы, тротуары, мостовые, здания, деревья, облака, зонтики, шинели, бушлаты, лица, бороды, руки, сапоги, — еще минута, и вы начнете притаптывать собственными ногами, чтоб согреться. Туман, туман.

Это не декоративный фон, столь излюбленный в кинематографии. Это намерение добросовестное, серьезное, суровое. А ну вот так, по-настоящему, физически почувствуй себя на этих улицах, смешайся с толпой матросов и солдат, как один из них, подними скорей воротник и подправь ремень винтовки! И чтоб холод в домах, и потухшая электрическая лампочка и вот этот кусок черного хлеба с воблой оказались перед тобой не как «аксессуары», дающие «знакомство с эпохой», а как такая окружающая тебя, входящая тебе под кожу, в кровь, в мышцы, в тело, физическая осязательность, перед которой тебе или придется отступить и уйти из зала или, оставшись, оказаться одним из этих людей в октябрьские дни в Петрограде.

Третьего не дано. Невозможно быть свидетелем разворачивающихся в картине событий, обязательно—участником. Участником и потому, что в картине волнующий сюжет, и потому, что сама конкретность картины создает такую иллюзию жизненности, что приходится порой оглянуться на этот роскошный зал кино, чтоб убедиться, что ты здесь, а не на улицах Петрограда. Такое максимальное приближение зрителя к эпохе, наглядная сила изобразительности сразу свидетельствуют о подлинном художественном даровании авторов этой картины. Они могли естественно впасть в натурализм, но чувствовали себя здесь спокойно: их ведь интересовали не дождь и вобла, а люди и идеи тех волнующих дней. Но пусть будет прежде всего дана обстановка времени, так же ощутимая, как эти идеи. Вот она налицо,—значит можно итти дальше.

2

А дальше, казалось, авторы пойдут по той протоpенной в нашей литературе и драматургии дорожке, которая, слава богу, начинает, кажется, зарастать. Я имею в виду тех стандартных профессоров, которые три акта размышляют: «признавать или не признавать», а в четвертом акте информируют, что они «признают» и что можно опускать занавес. Эта тема, исчерпанная в жизни, все еще утомительно, без малейшего углубления, варьируется в театре. Пора бы сказать что-нибудь новое. И это новое сказали режиссеры Зархи и Хейфец, сценаристы Рахманов и Дэль. Новое не только в кинематографии, но в нашем искусстве вообще.

Профессор Полежаев с самого начала «признает». Еще до того, как он был представлен зрителям, он уже «признавал». Что же делать с ним дальше?—спросит иной драматург. Какой здесь можно развить сюжет, раз он исчерпан с самого начала и занавес следует опустить, как только он поднялся. Но разве тема ученого и революции есть только тема перестраивающегося ученого? Это было бы обидно и для ученого и для революции. Ленин говорил о том, что запас знаний, имеющийся на земле, создан человечеством под гнетом эксплоатации. О том, следовательно, что есть принципиальное противоречие между людьми, добывающими знания, и людьми, занимающимися эксплоатацией. Это есть та более общая основа, на которой происходит, не может не произойти перестройка и признание со стороны ученых и художников. Но это не значит, что может существовать только один этот перестроечный шаблон.

Типичность—не обязательный вывод из некоего средне-арифметического ряда. Капиталист Егор Булычев, отрицающий капитализм, тоже не типичен для капиталистов. Но кто на этом основании упрекнет Горького в ошибке? Горький высказал в пьесе мысль, что творческая сила, заключенная в человеке, не может, в конце концов, не притти в столкновение с собственническим началом, сковывающим человечество. И «Егор Булычев» есть бессмертное доказательство того, что старый мир существовать дальше не может. Прометеев дух, заключенный в горьковской пьесе, это как бы дух самого человечества, которому невмоготу его собственнические оковы. Однако, как известно, появление «Егора Булычева» вызвало у некоторых литераторов сомнения, даже недоумения: капиталист против капитализма?—Странно! Ученый, который не «перестраивается»? — Непонятно! Я боюсь, что если бы авторы фильма не сослались на Тимирязева, могли бы повториться подобные же упреки. Типичность «Депутата Балтики» и есть типичность идеи Ленина о человечестве, создававшем свои знания под гнетом эксплоатации, о враждебности этих двух начал. Так же, как принципиальна враждебность искусства и капитализма, о чем писал Гегель. И если тысяче профессоров надо пройти путь перестройки, а один в этом не нуждается, то не количество всегда определяет выбор темы. За второй темой стоит великая истина. Заметим— это очень важно: профессор Полежаев вовсе не большевик. Враждебность, о которой мы говорили, — она решает в данном случае. В индивидуальности Полежаева разрешается эта тема. Сама эта наука, эти знания, персонифицированные в лице Полежаева, если так можно выразиться, инстинктивно заявляют о своем отрицании. Уже отсюда идет сознательное отрицание и, быть может, приход Полежаева в коммунистическую партию. Вот какая философская высота в этом фильме. И не будет преувеличением, если мы скажем, что эта идея может с экрана перекочевать сейчас на страницы романа и на подмостки театра. Обыкновенно литература оплодотворяла работников кино. Пришел час отблагодарить той же монетой. Следует ее взять, как бы это ни было обидно для самолюбия.

Хорошо, скажут,—прекрасная идея, но как ее конкретно реализовать, если спуститься с неба этой идеи на нашу грешную художническую землю? В чем ее выразить? Прежде всего — в личности этого ученого, в яркой индивидуальности такого человека. Да и сам по себе сюжет здесь появляется: Полежаев и люди революции, Полежаев и люди, среди которых он жил раньше. Не идейно, но психологически, физически, бытово он находится между двумя этими мирами. Он вступает в конфликт со своей средой,—это не может не быть болезненно, не может не создавать щемящего чувства одиночества. Но одиночество Полежаева ведь тоже не частная биография, оно связано с тем великим одиночеством, в каком в прежние эпохи пребывали выдающиеся ученые, выдающиеся художники, которые вступали в конфликт с средой, с действительностью, например, Пушкин, — а до другого берега далеко, его не видно, да и существует ли он? Оптимистический смысл этого фильма в том, что это великое одиночество, всемирно-историческое одиночество лучших людей человечества кончается. Вот он, этот берег, вот они, октябрьские дни в Петрограде, вот он, профессор Полежаев, которого покинули его друзья, его ученики, но вот уже перед ним рабочий, матрос, готовый отдать за него свою жизнь, студент-большевик, оказывающийся рядом с ним в трудные минуты одиночества, вот неожиданный звонок по телефону —«говорит Ленин».

3

Совершенно понятна трудность, перед которой оказались и сценаристы (сюжетные ситуации и—что очень важно — текст), и режиссеры, и актеры. Малейшая шероховатость и нажим чувствовались бы немедленно. Но, за ничтожным исключением, дело свое они выполнили блестяще. Здорово.

Зархи и Хейфец обладают большим психологическим пониманием образа: чувством, любовью и вкусом к психологической детали, игра которых составляет такое важное средство искусства кинематографии. Глаз киноаппарата видит свои живые об'екты не только «официально», он их подстерегает, когда они, так сказать, меньше всего ожидают, когда они не думают, что их кто-либо видит. Режиссеры умеют подглядеть такие жесты и движения человека, такие тайные жесты и движения, когда он наедине, не подозревая, что может быть замечен, когда он таким образом предельно бывает сам собой, предельно откровенен и, следовательно, можно мгновенно заглянуть к нему в душу и дать неопровержимые доказательства своих мыслей об этом человеке. Эти моменты даны с величайшим тактом, — потому что если хоть что-нибудь будет «от себя», то вот уже нет веры тому, что происходит на экране. Такт этот приводит к тому большому чувству правды, которая есть в картине.

Важно понимание режиссерами образа не только в его общем выражении, но и в побочном, в косвенном: характер есть в том, как профессор оправляет свою бороду, как он завязывает башлык или надевает галоши, в том, как матрос выбивает трубку, в молодецком вихоре мальчика на типографии, в том, как он удалым движением бросает верстатку, в том, как жена профессора крестит большевика Бочарова, а он, добродушно и умно улыбаясь, прижимает к себе милую старушку. Режиссер следит за героем и в то же время за зрителем. Полежаева на трибуне Петросовета приветствует и зал Таврического дворца и зал кино,—и здесь естественно хочешь вот этого индивидуализированного выражения своей радости за профессора: появляется на миг жена профессора: взволнованные слезы подступают к ее горлу, и она смущенно оправляет воротник; опять аплодисменты; затем матрос Куприянов горделиво говорит другому матросу, показывая на профессора: «Ньютону друг». Много теплоты в картине. Талант наших режиссеров преимущественно лирический. Они хорошо чувствуют и юмор. Длинный худой профессор и низкий, коренастый матрос шагают рядом. Высокий Бочаров и маленького роста большевик в Смольном. Эти контрасты дают ту простоту и человечность, в которых значительно больше правды, чем в некоторых

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 6 СТР.

1852—Николай Васильевич Гоголь—1937

Великий реалист

Гоголь и Пушкин

Современник Пушкина и его ученик Гоголь нашел свой самостоятельный творческий путь.

Влияние великого предшественника помогло сформироваться яркому и самобытному таланту Гоголя. Его творчество явилось крупнейшим этапом в развитии русской литературы. Наряду с пушкинским периодом Белинский устанавливал гоголевский период в развитии нашей литературы.

С именем Гоголя связан расцвет критического реализма. Обратившись к изображению действительности, писатель увидел вокруг себя господство «низменного», грубого. «Поэзия Гоголя,— писал Герцен,— это крик стыда и ужаса, который испускает человек, унизившийся от пошлой жизни».

Социальная действительность тогдашней России представляла собой печальное и тягостное зрелище. Гоголь поднял голос протеста и обличения против мерзостей жизни, пороков общества и социального строя. Пафос отрицания был главенствующей линией реалистического творчества писателя; он находил социальное зло в самых различных проявлениях и всюду жестоко бичевал его. «У него нет соперников,— писал Белинский,— в искусстве воспроизводить ее (жизнь) во всей ее истинности. Он ничего не смягчает, не украшает вследствие любви к идеалам или каких-либо заранее принятых идей или привычных пристрастий».

Свое творческое внимание Гоголь обратил на обыденность, повседневность.

Гоголь учился у Пушкина реалистическому мастерству, но в то время как Пушкина привлекали большие характеры, исторически-переломные эпохи и события, Гоголь показал «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров».

Сущность реалистического метода Гоголя

«Обо мне много говорили,— писал Гоголь,— но главного существа моего не определили. Его слышал только один Пушкин. Он мне говорил всегда, что ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого, точно, нет у других писателей».

В этом высказывании необычайно метко охарактеризована самим художником сущность его реалистического метода. Мелочное, отмеченное печатью вырождения бытие Гоголь дает в крупном плане. Мертвящий, бесхрасочный «прозаизм» бытия, эгоистический человек с его ограниченными мыслями и стремлениями представлены художником «выпукло и ярко на всенародные очи».

Для того, чтобы разоблачить пошлость и уродство российской действительности, писатель заостряет образы. Он показывает ничтожные действия своих лицемерных героев как бы в увеличительное стекло. Отсюда черты гротескности, гиперболичности в гоголевских произведениях, которые так смущали целый ряд критиков.

Неоднократно делались даже попытки об'явить Гоголя романтиком— последовательным и законченным, который будто бы даже и в своих реалистических произведениях воссоздавал «ирреальные», построенные по романтическим принципам, образы.

В этих утверждениях нет, конечно, ни грана истины. В своей заостренности, художественной выпуклости гоголевские образы глубоко жизненны, правдивы, во много раз более правдивы, чем бытописательские, натуралистические описания жизни. Отталкиваясь от поверхностного копирования действительности, художник доводил свои образы до высокой степени типизации.

Типы Гоголя

Целая галлерея уродливых, но вполне реальных типов с их мелочно-ничтожным существованием предстала в произведениях Гоголя. Это были люди господствовавших классов.

Гоголевские персонажи комичны уродливостью своего бытия, своих стремлений. Уродлива и смешна жизнь замкнутых в своем мирке Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, у которых все интересы свелись к животным потребностям, деятельность которых ограничивалась нескончаемым процессом насыщения. Смешон и отвратителен Собакевич — чревоугодник и делец, не упускающий никакого случая нажить «деньгу». Смешон и страшен Плюшкин, которого скупость превратила в негодную ветошь, в «прореху на человечестве».

«Страсти» свойственны и гоголевским «героям», но какие это низменные, гаденькие страстишки. Художник показал, что вся духовная деятельность этих людей подчинена низким побуждениям. Значительные цели, высокие порывы им чужды и непонятны. «Они задавили корою своей земности, ничтожного самодовольствия высокое назначение человека», —писал Гоголь.

Новые рисунки худ. Кукрыниксы к произведениям Н. В. Гоголя. Иллюстрация к поэме «Мертвые души» («Бричка Чичикова на пути к Коробочке»).

Изумительно ярко показал Гоголь, как притязания на высокую культуру, на большие «деяния» сочетаются с поразительной убогостью сознания, реальным ничтожеством существования (Манилов, Хлестаков, Чичиков). Он вскрывал эгоистические, собственнические стремления, прикрывавшиеся «возвышенными», идеальными мотивами. С неподражаемым юмором писатель повествует о действиях и поступках своих героев, но чем далее развертываются события, чем яснее вырисовывается облик действующих лиц, тем все более становится грустно, а затем и страшно. Юмор писателя органически перерастает в остро сатирическое изображение общества.

Одновременно с этим он раскрыл невероятную тяжесть жизни социальных низов. И ряд картин в «Мертвых душах» и «Петербургские повести» показали человека, находившегося на низших ступенях общественной лестницы, чувствовавшего на себе гнетущее давление рабского строя.

Он беззащитен в этом обществе; его жизнь необычайно обеднена, сужена до тревожных забот о повседневных нуждах. Любовью к этому униженному человеку и ненавистью к общественной среде пронизано повествование о «незаметных» людях. Человек низов вошел в художественную литературу. «Шинель» Гоголя сыграла в этом огромную роль.

Разящий бич сатиры Гоголь использовал с исключительной целеустремленностью.

«Ревизор» и «Мертвые души» — произведения широкого обобщающего характера, в них в ярчайших образах показана система правления, весь строй жизни, созданный дворянским классом. Жуткая картина произвола, насилия, паразитизма выступает перед читателем. Духовная деградация, с одной стороны, хищническая жажда накопления, расцвет корыстолюбия с другой — все это типические черты тех, кто были «хозяевами» страны.

В «Мертвых душах» встает облик крепостнической России, подавленной, цепенеющей под властью господствующего класса.

Гоголь горячо любил свою родину. С огромной болью писал он о ее пустынных просторах, угрюмой природе, культурной отсталости.

«Русь, Русь, вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу: бедно, разбросанно, неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов... Открыто — пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе».

Изображение действительности, которое дано Гоголем в его произведениях, было реальным отрицанием всей системы социальных отношений дворянско-буржуазного общества. Художник заклеймил проклятием общество Собакевичей, Плюшкиных и Маниловых.

Но в страхе и смятении остановился Гоголь перед сурово-правдивой картиной жизни, которую он нарисовал сам; потрясенный ею, он отступил назад. Здесь выразилась историческая ограниченность его мировоззрения.

Гоголь настойчиво и страстно искал героев, которых можно было бы противопоставить миру низменных «существователей». Он хотел показать широкие антиэгоистические характеры, людей большого исторического размаха. И не найдя этих характеров в окружавшей его среде, он приписал эти высокие качества тем, кто ими никогда не обладал. Попытки возвеличить людей и порядок, которые были разоблачены самим художником, не могли не кончиться творческим поражением.

Лучшие произведения Гоголя выражали передовые идеи, имевшие своим источником движение народных масс. «Он пробудил в нас,— писал Чернышевский,— сознание о нас самих — вот его истинная заслуга, важность которой не зависит от того, первым или десятым мы должны считать его в хронологическом порядке».

Нанося удары крепостническому строю, Гоголь служил своим творчеством освободительному движению, раскрепощению народа. Его художественные произведения являются подлинно народными произведениями; в них выражен острый протест против рабской действительности, они с величайшей правдивостью обнажают характерные черты собственнического общества.

М. ХРАПЧЕНКО

Н. В. Гоголь. (Деталь картины И. Геллера «Гоголь и Жуковский у Пушкина в Царском селе»).

Дерзкая похвала

Смерть Гоголя и высылка Тургенева

История высылки И. С. Тургенева из Петербурга в 1852 г. — безусловно одна из самых позорных страниц царствования Николая I. Даже в эпоху жандармского руководства литературой это было явлением из ряда вон выходящим. Вся эта история затмевает даже знаменитый выговор, полученный Краевским за напечатанное им извещение о смерти Пушкина.

В своих «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев рассказывает, что под впечатлением неожиданного известия о смерти Гоголя он написал небольшую и притом «самую невинную» статью. Статья действительно была более чем невинна. Тургенев писал:

«Гоголь умер! — Какую русскую душу не потрясут эти два слова? ...Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших».

Чтобы напечатать статью в «Петербургских ведомостях», нужно было слать ее в цензурный комитет. Главенствовавший там гр. Мусин-Пушкин (бывший в то время попечителем Петербургского учебного округа) статью решительно запретил,— и не за что иное, как за приведенную выше цитату. Высокопоставленный цензор нашел неуместным писать о Гоголе «в таких пышных выражениях, едва ли приличных, говоря о смерти Державина, Карамзина или некоторых других наших знаменитых писателей, и представлять смерть Гоголя как незаменимую потерю...»

Гр. Мусин-Пушкин был самым искренним образом возмущен дерзостью людей, жалеющих о Гоголе, и он не только запретил тургеневскую статью, но и «не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским» (из письма Тургенева).

На свою беду Тургенев позволил себе еще большую дерзость, — он отправил статью в Москву, в надежде, что в московской цензуре ей больше повезет. К счастью для статьи и к несчастью для Тургенева так оно и было. 13 марта злополучная статья уже появилась в «Московских ведомостях». Предупреждение же, посланное в Москву начальником III Отделения гр. Орловым, пришло слишком поздно, после выхода газеты. Вследствие этой нерасторопности гр. Орлова, Тургенев оказался не только дерзким писателем, но и подлинным государственным преступником.

Переписка между III Отделением и московским генерал-губернатором тянулась недолго, — около месяца. И наконец в середине апреля Орлов, вооруженный всеми сведениями о Тургеневе и его московских друзьях, доложил это дело Николаю. Подчеркивая, что «литераторы являются действующими лицами во всех бедственных для государства смутах», гр. Орлов считал необходимым пригласить Тургенева в III Отделение для внушения и установить за ним секретное наблюдение. Но Николай, видимо, считал проступок более серьезным. «Полагаю, этого мало, — написал он, — а за явное ослушание посадить его на месяц под арест и выслать на жительство на родину».

Не прошло и двух дней, как Тургенев был посажен в с'езжую, где и отсидел ровно месяц, написав там, кстати сказать, «Муму». А 18 мая он уже выехал в Спасское.

Еще будучи под арестом, Тургенев сделал попытку защитить себя. Он обратился к наследнику с прошением об облегчении своего наказания. «Осмеливаюсь удостоверить ваше императорское высочество, что, отсылая статью свою в Москву, я не только не думал ослушаться начальства или противиться его воле, но не имел даже помышления о том, что делаю что-нибудь противузаконное». Это прошение, разумеется, не имело никакого успеха.

Прошел год ссылки, и Тургенев снова обращается к наследнику с просьбой помочь вернуться в Петербург, хотя бы для лечения. Эта просьба также осталась без внимания. И только в ноябре 1853 года, т. е. через год и 7 месяцев после ареста Тургенева, Николай I нашел возможным разрешить ему возвращение в столицу.

Так дорого обошлось Тургеневу его желание публично назвать Гоголя великим писателем. И вспоминая этот эпизод уже много лет спустя, он довольно меланхолично заключает: «Но все к лучшему; пребывание под арестом, а потом в деревне принесло мне несомненную пользу: оно сблизило меня с такими сторонами русского быта, которые при обыкновенном ходе вещей, вероятно, ускользнули бы от моего внимания».

А. Р.

Гоголь о литературном труде

Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо!

Гоголь — Письмо к В. А. Жуковскому, 1847 г.

★

Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это **живые люди**, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные **народные** наши качества и свойства...

Гоголь — Письмо к В. А. Жуковскому, 1847 г.

★

Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. Если писатель станет оправдываться какими нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности или необдуманности или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что взял взятки и торговал правосудием, складывая вину свою на тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом — мало ли на что можно сослаться!

Гоголь — «О том, что такое слово».

★

Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтоб рука приучилась совершенно повиноваться мысли.

Слова Гоголя в записи Ф. В. Чижова

★

Гоголь постоянно говорил В. А. Сологубу:

— Пишите, поставьте себе за правило хоть два часа в день сидеть за письменным столом и принуждайте себя писать.

— Да что ж делать, если не пишется?

— Ничего... Возьмите перо и пишите: сегодня мне что-то не пишется, сегодня мне что-то не пишется и так далее; наконец надоест и напишется.

Воспоминания В. А. Сологуба

★

Я, по мере сил, продолжаю работать, хотя все еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось... Всякий час и минуту нужно себя приневоливать, и не насильно почти ничего нельзя сделать.

Гоголь — Письмо к В. А. Жуковскому, 1844 г.

Увеличить тираж шеститомника Гоголя

В конце февраля в газетах появились торжественные извещения МОГИЗ о приеме подписки на собрание сочинений Н. В. Гоголя в шести томах.

25 февраля рано утром, еще до открытия, у магазина подписных изданий, что находится в здании Метрополя, собралась толпа.

Для приема подписки на шеститомник пришлось мобилизовать всех сотрудников магазина. Однако очередь не только не убывала, но скоро заняла весь тротуар и стала мешать уличному движению.

Две с лишним тысячи комплектов шеститомника покупатели быстро расхватали.

Нечего и говорить, что удовлетворены были далеко и далеко не все желающие.

МОГИЗ потребовал от издательства увеличения тиража собрания сочинений Гоголя. Но переговоры МОГИЗ с издательством по этому вопросу дали микроскопические результаты: Гослитиздат **обещал** (обещал только!) увеличить тираж шеститомника всего на... 10 тысяч экземпляров. Всего-то?

В. ТОНИН.

М. Г. Сивачев

После продолжительной болезни скончался в Москве писатель Михаил Гордеевич Сивачев.

М. Г. Сивачев родился в 1877 году. в Пензе, в семье стрелочника.

В юные годы, несмотря на нужду и лишения, он дни и ночи проводит за книгами: изучает политическую экономию, революционную теорию Маркса, жадно читает русскую литературу. В 1910 году он выпускает «Записки литературного Макара».

В 1912 г. переработанные автором «Записки» выходят под названием «Прокрустово ложе».

Еще в 1911 году М. Горький, высказываясь о Сивачеве, сравнивал его биографию с биографией Кольцова, Сурикова, Никитина, Дрожжина.

Писательский путь Сивачева был труден.

В предреволюционные годы он стал печататься в журналах «Вестник Европы», «Нива» и др. В 1912 году Сивачев был одним из организаторов рабочего журнала «Народная семья».

Но по-настоящему, как пролетарский писатель, Сивачев мог развернуться только после октябрьского переворота.

Сивачев всю жизнь стремился к верному и правдивому отображению борьбы и быта рабочего класса, и во многих своих трудах он этого достиг.

А. СЕРАФИМОВИЧ, ВЛ. БАХМЕТЬЕВ, Е. ПОЛУЯН, Ф. ПАНФЕРОВ, ИВ. КАСАТКИН, С. МАЛАШКИН, С. ФОМИН, А. НАСИМОВИЧ, Н. СТЕПНОЙ, П. ДОРОХОВ, В. РЯЗАНЦЕВ, А. ФАДЕЕВ, М. НЕФЕДОВ, Г. САННИКОВ, С. БЕЛЯЕВ.

К. С. Шохор-Троцкий

В ночь с 15 на 16 февраля в санатории КСУ «Узкое» скоропостижно скончался член редакционного комитета и один из ответственных редакторов юбилейного издания полного собрания сочинений Л. Н. Толстого — Константин Семенович Шохор-Троцкий.

К. С. Шохор-Троцкий занимался изучением Толстого и работой над его неизданными дневниками с 1911 года, являясь одним из наиболее авторитетных толстоведов. Он закончил редактирование трех томов «Дневников» и «Записных книжек» Толстого.

За многие годы научной работы в Государственном Толстовском музее К. С. Шохор-Троцкий собрал исключительно ценные материалы, обогатившие библиотеку, рукописное отделение и экспозицию Музея.

Смерть застала К. С. Шохор-Троцкого в период напряженной и плодотворной работы. До последнего дня он работал над рукописями Толстого.

Абдулла Магомедов

В ночь на 1 марта после продолжительной болезни на 78-м году жизни скончался старейший народный поэт Дагестана, член правления ССП Дагестана, член ДагЦИК Абдулла Магомедов. Писатели Дагестана скорбят о тяжелой утрате.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ, ГАДЖИБЕКОВ, ДАДАШЕВ.

★

Умер Абдулла Магомедов — певец кумыкского народа. Он родился в далеких горах Дагестана, в маленьком селении Аксай в 1859 году, в семье бедного крестьянина-горца. В течение трех десятилетий Магомедов работал батраком. Тогда он и начал складывать свои первые песни. Но сочиненные им в ту пору песни никем не были записаны и бесследно исчезли. Сам поэт научился грамоте только после Великой социалистической революции.

В 1930 году вышел сборник его песен в Дагогиздате.

Абдулла Магомедов все последние годы жил в колхозе, и колхозная работа была неизменным источником его стихов и песен. Его песни распеваются во всех кумыкских аулах. Абдулла Магомедов по праву и с достоинством носил звание народного поэта, присвоенное ему правительством Дагестана.

Поправка

В прошлом номере «Л. Г.» в докладе т. Альтмана (10-й абзац снизу, в 7-й колонке) пропущено слово «иноземцами». В этом абзаце следует читать: «В смутное время народу угрожало порабощение иноземцами».

Ю. Юзовский

«ДЕПУТАТ БАЛТИКИ»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 5 СТР.

наших «железных», высокопарных риторических, насильно вытянутых произведениях, сделанных без малейшей улыбки, а вот с такой деланной «исторической» важностью.

4

Актеру Черкасову 32 года, а профессору Полежаеву 75 лет. Но Черкасов превращается в Полежаева, и никто не сомневается, что это профессор и что ему 75 лет, наоборот, скорее сомневаешься, чтобы этому актеру было 32 года. Но не в этом секрет,—секрет, как это ни парадоксально, в том, что Черкасов не претендует на то, чтобы его принимали за «профессора» и за «семидесятипятилетнего». Все так называемое «профессорское», «профессорская» солидность, «профессорская» величавость почтеннобородого жреца науки, — этого больше всего чурался Черкасов. Да и сам Полежаев рассмеялся, да и рассердился бы, если бы вы его таким изобразили. Скорее уж можно сказать, что он довольно «легкомысленное существо»: он стоит перед зеркалом, приглаживая бородку, и пританцовывает и напевает игривый мотив, словно какой-нибудь студент-второкурсник. Серьезный человек должен быть немного легкомысленным,—семидесятипятилетняя почтенность, помилуйте, это лицемерие. Важная и озабоченная физиономия,— пусть с ней ходят его коллеги по университету, которые пуще всего опасаются, как бы кто не усомнился, что они полубоги, непохожие на остальных людей.

Это — «легкомыслие» серьезного человека, который счастлив в деле, которому он себя посвятил. В науке, например, он работает, ищет, находит, и эта радость находки, радость творчества толкает его к людям делает словоохотливым, общительным, легкомысленным, «проказливым». Вот как Пушкин, который, написав «Бориса Годунова», прыгал по комнате и кричал: «Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын». «Сукин сын» и—«жрец»!? Человеческая черта, земная, «греховная» обычная — в большой личности, — вот что Черкасов противопоставил «профессорскому».

Горький в одной из дореволюционных статей писал, что многие интеллигенты «в 25 лет отрицают собственность, а в 35 имеют собственный дом». Полежаев в свои 75 лет такой же, каким он был в 35 лет, а в 35 лет был таким же, как в 25. Вот в чем молодость Полежаева. Дело не в том только, что в нем осталась юношеская живость характера, но в том, что тот мир, которому он бескорыстно отдал себя, поддерживает в нем эту нетронутую молодость души, чуждающейся всего корыстного, лицемерного, собственнического. С высоты своей науки он как бы оглядывает человечество и видит, что эти два начала близки, родственны друг другу, что бы их ни разделяло. Отсюда величие профессора Полежаева. Да, да, легкомысленный танец перед зеркалом и патетическая речь на заседании Петросовета. Да, «ай-да Пушкин, ай-да сукин сын»—и «Пророк». Да, насквозь земное естество—и возвышенные идеи человечества. Вот это второе—что дано в игре Черкасова.

Полежаев в начале картины сидит высоко наверху, на лесенке, у шкафа, со свечкой, мерцающей над книгой, которую он читает. Там внизу, на улицах выстрелы, баррикады, восход нового времени, а он, погруженный в эти книги,—как символ непрерывности человечества, будущее которого созидается на этих улицах. Полежаев спускается с лестницы, потому что пришли искать хлебные излишки. Обыскивающие уходят, и профессору сообщают, что матрос, который только что был, расстрелял на улице мародера. И Полежаев, словно проснувшийся, обрадованный, кричит, чтобы задержали этого человека, он хочет взглянуть на него, совершившего сейчас благое дело. Словно тот мир, который развернулся перед ним, когда он скорчился здесь над книгой, и мир, рождающийся там, за окнами, — они друзья, и вот этот матрос, он «свой», «задержите его», как он это его сразу «не узнал».

Сегодня у Полежаева радостный день, он закончил свою книгу, которую ждет научная мысль всего мира. Он гордится и делится своей новостью с каждым: с женой, с учениками, с большевиком Бочаровым, с матросом. У него какая-то задиристая, петушиная манера, когда он говорит с кем-либо, вдруг из его горла вырываются смешные визгливые нотки, он подмигивает собеседнику и вдруг добродушно уязвит его и тотчас же громко рассмеется. Он шагает по университетским коридорам со своим портфелем—высокий, худощавый, шагает как бы стремглав, как бы в полете, как бы поет. Столько в нем бодрости, умного огня в глазах, жажды жизни. Сегодня у него вдвойне приятный день: день рождения,—он пригласил всех своих коллег по университету, сам дома расставляет стол, ему это доставляет удовольствие: работать, двигаться, что-нибудь переставлять, переворачивать. Но стол уже расставлен, белоснежная скатерть, приборы, вино, бокалы, Мария Александровна оделась получше, — милости просим. Однако, гости не явились; профессора, приветствовавшего большевиков, встретили бойкотом. Тяжело. Длинный накрытый стол—и никого. Празднично убранные комнаты—и никого. Как-то присмирел Полежаев, холодно ему стало, он кутается в платок, который на него накинула жена. Тяжело. Старики садятся за рояль и в четыре руки, как вероятно некогда, когда они были женихом и невестой, медленно играют вальс Ребикова. Тяжело. Неужели так никто и не придет? Вот так они одни в целом мире? Мария Александровна прикладывает платок к глазам, она не может удержать слез. Полежаев утешает ее, но боится сам за себя. Он уходит к себе в кабинет, морщатся его лицо и губы, он сдерживается, но уже всхлипывает, и тяжелая, медленная слеза скатывается по его лицу. Эти слезы, в эту холодную петербургскую ночь, среди этих колб и реторт ученого кабинета! Какая обида в зрительном зале, какая жажда мести, какое желание притти к нему на помощь. Но вот раздается стук в дверь, это Миша Бочаров — студент-большевик. Он пришел поздравить своего учителя. Усаживаются за стол, поднимают бокалы, и оба они с профессором поют старый добрый «Гаудеамус игитур», как два молодых студента. Поздно ночью телефонный звонок. Кто это? Владимир Ильич? Какой Владимир Ильич? Ленин?! Да, он самый — поздравляет профессора Полежаева с днем рождения и просит передать привет его супруге. Профессор Полежаев в свою очередь просит Владимира Ильича передать привет его супруге. Полежаев положил трубку, подходит к зеркалу, распушил бороду с этаким комически-самодовольным видом: «вот я каков, а?» Затем бежит из комнаты в комнату, повсюду зажигая свет, совсем по-мальчишески выражая свою радость.

Много еще чудесного есть в игре Черкасова, имя которого войдет в историю советского кино, так же, как имя Бабочкина—Чапаева.

Теплый образ Марии Александровны, преданной подруги Полежаева, создает Домашова. Жаков тонко нарисовал тип Воробьева: его мелкоту, жалкую озабоченность, его преждевременную душевную старость. Превосходен Мельников в роли матроса Куприянова, в известном смысле не менее ответственной, чем роль Полежаева. Это уже не треневский Швандя с его восторженно-наивным отношением к профессору Горностаеву, которого он принимает за Маркса. Куприянов, наоборот, очень пытлив, вдумчив, осторожен, и в то же время в нем много того чутья, пролетарского чутья, которое позволяет ему безошибочно почувствовать фальшь в поведении человека. Да и сам его образ очень выгодно освещает фигуру Полежаева и ту большую мысль, которая заключена в фильме.

Наконец, всячески надо отметить Ливанова в роли Бочарова. Сразу даже не узнаешь, что это Ливанов, хотя знаешь, что это он, настолько эта всегда просящаяся наружу натура его обычных героев запрятана здесь вглубь. Недавно мы видели его в Шванде (в МХАТ в «Любови Яровой»), и там была эта яркая напористость, натиск, сила, огонь. Здесь этот огонь внутри, эта сила дисциплинирована, эта напористость воспитана, но они видны и в умно поблескивающих глазах, и в спокойной мужественности и уверенности, которые он вокруг себя распространяет, и в этом превосходно переданном, без малейшего признака желания, чтобы его заметили, чувстве ответственности, сопровождающем его в его работе. Он разговаривает с Полежаевым — мягкий, большой, добрый, и эта русая бородка, которая так идет ему, делает его улыбку еще более широкой, настоящей. Он говорит профессору о настоящем и о будущем с тактом, с умом, без всякой назойливой «обработки», без той крикливой агитационности тона, который так прет в некоторых наших «профессорских» спектаклях.

Большой фильм. Бодрый фильм. Не из тех «бодряческих» фильмов, пьес и стишков, которые действуют не столько методами искусства, сколько методами физиотерапии. Он заряжает духом деятельности, ясного самочувствия, высокой и волнующей мысли. Настоящая работа.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—26112.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.